

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы X международной
научно-практической конференции
(г. Сочи, 15 апреля 2022 года)

 Москва 2022

**СОЧИНСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

Центр русского языка и культуры

**Историко-филологический факультет
кафедра русского языка и методики его преподавания
кафедра русской и зарубежной литературы**

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ X МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(г. Сочи, 15 апреля 2022 года)**

**Москва
2022**

УДК 80
ББК 80я43
М34

Печатается по решению Ученого совета Сочинского института (филиала) РУДН
(протокол № 03-04/8 от 28.03.2022 г.)

Редакционно-издательский совет:

Бобылев Владимир Владимирович, кандидат политических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сочинского института (филиала) РУДН;

Богучарский Андрей Викторович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, руководитель научно-исследовательской части Сочинского института (филиала) РУДН;

Козлова Надежда Ивановна, кандидат экономических наук, профессор, научный руководитель Сочинского института (филиала) РУДН;

Новоселова Светлана Юрьевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, руководитель центра русского языка и культуры Сочинского института (филиала) РУДН

Рецензенты:

Ширяева Оксана Витальевна, доктор филологических наук, профессор Международного института междисциплинарного образования и иbero-американских исследований Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Нарушевич Андрей Георгиевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» (г. Таганрог, Россия)

М34 **Материалы X международной научно-практической конференции «Славянская чтения». Г. Сочи, 15 апреля 2022 года (в рамках XIV научно-образовательного форума Сочинского института (филиала) РУДН). – Москва, Издательство «Перо», 2022. – 108 с.**

ISBN 978-5-00204-795-6

В сборнике представлены статьи, посвященные актуальным вопросам языкознания, литературоведения, медиажурналистики. Обсуждается современный литературный процесс и современное состояние славянских языков и культур. Затрагиваются проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, истории и поэтики русской и зарубежной литературы. Обсуждаются вопросы методики преподавания филологических дисциплин и русского языка как иностранного, функционирования русского языка в современных медиа.

Статьи печатаются в авторской редакции. Ответственность за содержание и корректность заимствований несут авторы статей.

© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ	3
I. ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ	5
КОЧИН В.В., ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ФОНДА «РУССКИЙ МИР»	5
КОЗЛОВА Н.И., ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ Г. СОЧИ, НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ СОЧИНСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ	5
МАРШЕВА Л.И., ДИРЕКТОР ФЕДЕРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА РОДНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	6
ВАН СИНЬИ, ПРОФЕССОР ПЕКИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	7
II. ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	8
БУЛЫЧЕВА А.В. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	8
ВОРОБЬЕВ В.В. РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	12
КАПЕЦ О.В. ЛИТЕРАТУРА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ	17
НОВОСЕЛОВА С.Ю. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ	24
РЕЖУК З.В. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	28
СААКЯН Л.Н. СКОРНЕНИЕ КАК ТРОП: К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	33
СМЕРЕЧИНСКАЯ Н.М. ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА	37
ТРЕТЬЯКОВА Л.А. ВЫПУСК УЧЕБНОЙ ГАЗЕТЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ. ОПЫТ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА	42
ШИРЯЕВА О.В. РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	44
III. ТЕЗИСЫ СЕКЦИОННЫХ ДОКЛАДОВ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	52
АНОШИНА Я.В. КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	52
ВИНТОНЯК М.И. ПРИЁМ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Т.Н. ТОЛСТОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ: «ЛЮБИШЬ – НЕ ЛЮБИШЬ», «НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ», «СВИДАНИЕ С ПТИЦЕЙ»)	55

ГОНЧАРОВА Т.Ю., ШИРЯЕВА О.В. СОВРЕМЕННАЯ ВИДЕО РЕКЛАМА В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ	59
ГОРОДНИЧАЯ Ю.В., ШИРЯЕВА О.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ	63
ЗЫГАРЬ Д. С. СИМВОЛ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ПОЭЗИИ А. БЛОКА	66
ИСХАНОВА П.Р., ШИРЯЕВА О.В. ЭВФЕМИЗАЦИЯ И ДЕТАБУИЗАЦИЯ В МЕМАХ С ТЕМАТИКОЙ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ»	69
КАДЫНЦЕВА Ю.Н. ПРОБЛЕМА ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ В ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ	73
КАРАГОЗЯН Л.С. ТЕМА МЕТАМОРФОЗ В РОМАНЕ В.О. ПЕЛЕВИНА «ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ»	78
МАЛИЧЕВА В.А. СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН»)	81
МЕНЯКИНА А.А. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.А. ПРОХАНОВА	83
МИРЗА М.Н. ПОНЯТИЙНАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ ЦИКЛА «ТАЙНЫ РЕМЕСЛА» А.А. АХМАТОВОЙ	86
ПЕТРОВА Е.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ГОНЗО-ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Х. ТОМСОНА С СОВРЕМЕННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ)	89
ПРОНЬКИН Н.С. СОВРЕМЕННЫЕ СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ РКИ	92
СИКОРСКАЯ Д.Э. СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГОДОНИМОВ Г. ТОРЕЗА ДНР: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	94
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	99

I. ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

КОЧИН В.В.

исполнительный директор
Фонда «Русский мир»

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов на протяжении многих лет собирает на своих мероприятиях ведущих специалистов в сфере языкознания. И сегодняшний форум - «Славянские чтения» - является этому ярким примером.

В современном мире понимание процессов в сфере языкознания - важная составляющая обеспечения национальной безопасности страны. Ежедневно в международной, внутривластной, экономической и других сферах мы видим: даже одно слово, высказывание, мысль может оказать решающее влияние на глобальные процессы. Особое место в этой связи занимают средства массовой информации, общественные организации, государственные фонды, которые в своей работе обязаны давать точные и взвешенные оценки событиям и процессам.

Обсуждение вопросов, заявленных в программе конференции, в настоящее время актуально и для представителей экспертного сообщества, и для органов государственной власти.

Уверен, что «Славянские чтения» станут востребованной профессиональным сообществом площадкой для научных и экспертных дискуссий по современным проблемам языкознания.

Желаю участникам мероприятия интересных обменов мнениями и новых контактов, а также профессионального и личного роста!

КОЗЛОВА Н.И.

председатель Общественной палаты г. Сочи,
научный руководитель Сочинского института (филиала)
Российского университета дружбы народов

Мы живем в эпоху, которую без преувеличения можно назвать эпохой глобальной коммуникации. Геополитические изменения, итогом которых становится рост межнациональной миграции, развитие Интернета и технологий связи, упрочение социальных, деловых, культурных и научных контактов обеспечиваются отечественной системой изучения и преподавания русского и родных языков, создают условия для сохранения языкового многообразия и единства России.

Тема конференции необычайно актуальна. Сегодня мы являемся свидетелями обострения вопросов, связанных с проблемами языковой политики, повышенным вниманием общества к вопросам изучения и преподавания языков. К сожалению, в последнее время нередко эти вопросы переходят из плоскости научных дискуссий в плоскость остро политических, а порою и военных конфликтов.

В Российской Федерации - многонациональном и многоязычном государстве - вопрос государственного (русского языка) и родных (национальных) языков всегда находился в сфере особого внимания. От того, насколько грамотно и профессионально эти вопросы решаются, зависит единство нашего государства, его существование. Поэтому в программе X-ой международной научно-практической конференции «Славянская чтения» много важных и очень непростых вопросов.

Мы желаем Вам интересных и содержательных дискуссий, продуктивных и реалистичных решений, большой и содержательной работы!

МАРШЕВА Л.И.

директор Федерального института родных языков
народов Российской Федерации

Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации приветствует участников «Славянских чтений»!

Вопросы изучения русского и родных языков в многоязычном государстве требуют постоянного внимания. От одного необдуманного и неправильного шага в подходах к изучению языков в многоязычном и многонациональном обществе может зависеть очень многое. На наших глазах примеры соседней Украины, а потому вопросы языковой политики сегодня особенно актуальны.

Родной язык тесно связан с национальным самосознанием, является средством национального самовыражения человека. Знание родного языка приобщает к родной национальной культуре. Поэтому необходимо создавать реальные условия хотя бы для первоначального обучения детей на их родном языке - в дошкольном возрасте и в начальной школе, по возможности сохраняя родной язык на всех последующих ступенях обучения.

Слово - особый инструмент, который требует особого подхода, ответственного и профессионального. Мы надеемся, что «Славянские чтения» позволят открыть новые горизонты в решении проблем языкового развития в условиях серьезных вызовов современности, обеспечения лингвистической безопасности и выработки новых подходов к преподаванию языков в условиях реального билингвизма и поликультурности.

Мы желаем Вам интересной и плодотворной работы на площадках конференции!

ВАН СИНЬИ

профессор Пекинского университета
иностранных языков

Приветствую участников и гостей Славянских чтений Сочинского института Российского университета дружбы народов!

Пекинский университет, который я представляю, является центром передовой научной и общественной мысли, учебным заведением, где проводятся научные исследования и совершаются новые открытия.

На базе Пекинского университета работают более двухсот научных и исследовательских институтов, два крупных научных центра, а также множество лабораторий, двенадцать из которых имеет национальный статус.

Пятую часть студентов университета составляют иностранные граждане, что делает вуз самым интернациональным учебным заведением в Китае.

Отличительной чертой Сочинского института Российского университета дружбы народов также является интернациональность.

География участников Ваших Славянских чтений очень широка, так как конференция проводится уже на протяжении десяти лет. Это говорит о том, что она востребована. Что она, стала значимым местом общения представителей научного и педагогического сообщества, студенческой молодежи и школьников.

За прошедшие годы Ваши Славянские чтения приобрели добрую репутацию. Надеюсь, что очередная конференция будет способствовать пробуждению у молодежи интереса к изучению и истоков русского языка, и его современного состояния.

В заключение поздравляю с десятилетием Конференции и надеюсь, что традиция продолжится в институте еще долгие годы, и что участников впереди ждут новые открытия в научных исследованиях!

II. ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Булычева А.В.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Язык – это живая система, которая живет во времени и реагирует на события и сменяющие друг друга эпохи. Также и время отражается в языке, поскольку эволюционное качество заложено в самом языке. Любая оценка происходящих процессов, как положительная, так и отрицательная, будет исключительно субъективной. Изучение исторических процессов в языке помогает выработать логичное понимание изменений его лексики и грамматической структуры.

Языковые изменения – это неотъемлемая составляющая любого языка как развивающейся структуры.

В первую очередь, наиболее очевидными являются лексические изменения в языке. Каждый день в процессе коммуникации, при чтении статей и заметок в Интернете, в газетах, просмотре телевидения можно увидеть, как меняется русский язык, приобретая новый лексический материал. Например, в эпоху пандемии в русском языке появилось много так называемой «коронавирусной лексики» (такие слова, как «антимасочник», «безмасочник», «антиперчаточник», «бесперчаточник», «балконный», «беззумие», «вирусоносец», «вирусоскептик», «гречкомания», «дивановирус»): так что стало возможным появление целого словаря – Словаря русского языка коронавирусной эпохи, в котором представлено около 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг.

В качестве примера изменения лексической структуры языка также можно привести всевозможные заимствования из иностранных языков – как оправданные (обозначающие новые, ранее не известные носителям языка реалии: картинг, саммит, сиквел, промоутер), так и те, что перегружают русский язык необязательными семантическими дубликатами уже имеющихся понятий и выступают в качестве синонимов: «амбивалентный» – «двойственный», «эксклюзивный» – «исключительный».

Нельзя не упомянуть о переосмыслении значений некоторых лексем русского языка в среде молодежи: например, «пафосный» в значении «надменный, высокомерный», «адекватный» как «вменяемый, не сумасшедший»; «цивильный» в значении «аккуратный, respectable в смысле внешнего вида».

Однако такое изменение значений слов, расширение или сужение их смысла было характерно для русского языка в разные периоды его существования. Примерами подобного процесса могут послужить следующие слова: «взор» – «вид», «облик»; «верх» – «темя», «макушка»; «болезненный» – «скорбный»; «беседа» – «язык», «наречие», «говор» [4].

Если современные изменения в лексике заметны всем носителям языка и выглядят вполне естественно, хотя и не всегда вызывают одобрение, то изменения на других уровнях языка могут быть отрефлексированы лишь спустя какое-то время.

Наименее подверженной активным изменениям является морфологическая система языка. «Морфология – самый устойчивый, глубинный ярус языковой системы. Она строго организована, обладает понятиями и категориями, развивающимися по внутренним законам. Это каркас, основа, на которой располагаются другие звенья языковой системы. Само движение в морфологии осуществляется крайне медленно» [1]. И потому, ввиду длительности самих процессов, те или иные изменения, пожалуй, способны вызвать более яркую и эмоциональную реакцию со стороны носителей языка.

Если обратиться к истории русского литературного языка, то можно увидеть, как сильно изменилась его морфологическая структура. В качестве примеров можно привести некоторые процессы, происходившие в русском языке на протяжении всей истории его существования:

- изменение системы именного склонения, унификация и объединение разных типов склонений имен существительных;
- выделение существительных во множественном числе в особый тип склонения;
- разрушение исконной падежной системы именных частей речи (утрата звательной формы);
- унификация окончаний в отдельных парадигмах;
- развитие категории одушевленности-неодушевленности;
- замена трехчленной категории числа двухчленной (с сохранением отдельных форм с окончанием двойственного числа, которые маркируются в настоящее время как формы множественного числа: бока, берега, глаза и пр.);
- утрата склонения у кратких прилагательных, кратких причастий;
- утрата энклитических форм личных местоимений в Дат., Вин и Предл. падежах;
- утрата падежного склонения имен прилагательных в сравнительной и превосходной степени в краткой форме;
- развитие категории вида у глагола;

- разрушение системы прошедших времен глагола;
- утрата глагольной связки в формах перфекта;
- формирование деепричастий из форм кратких действительных причастий;
- формирование числительного как части речи.

Все эти процессы постепенно развивались в русском языке в течение столетий, приводя его в современное состояние, которое также не характеризуется стабильностью ввиду подвижности и гибкости языковой системы и основных законов ее существования.

Если же говорить о современных динамических процессах в морфологии русского языка, то стоит отметить следующие:

- рост аналитизма (сокращение числа падежей имен существительных);
- рост класса несклоняемых имен (существительных, прилагательных, числительных);
- рост класса существительных общего рода (применение форм мужского рода к обозначениям женского пола);
- изменения способа обозначения собирательности в именах существительных (собирательное значение у форм, обозначающих единичность);
- сдвиги в формах грамматического рода;
- образование форм множественного числа от отвлеченных имен существительных;
- колебания в употреблении падежных форм;
- вариативность в употреблении различных глагольных форм;
- редукция в синтетических формах сравнительной степени имен прилагательных и др.

В настоящее время русский язык претерпевает различные изменения не только в области морфологии и лексики, но и на других языковых уровнях. Сюда относятся:

- изменения в русском произношении и в области ударения;
- активные процессы в фразеологии;
- активные процессы в словообразовании;
- рост агглютинативных черт в процессе образования слов;
- аббревиация;
- активные процессы в синтаксисе;
- различные тенденции в современной русской пунктуации.

Обращение к истории языка, где можно почерпнуть множество подобных примеров, помогает лучше понять динамику активных процессов,

отчасти спрогнозировать возможные изменения и, что немаловажно, выработать личное отношение к происходящему, избегая излишней категоричности.

Языку свойственно не просто стремление к совершенствованию, а стремление к удобным и целесообразным формам выражения[1]. Язык словно нащупывает эти формы, и потому ему необходим выбор, который обеспечивается наличием переходных языковых случаев, периферийных явлений, вариантных форм.

Если говорить о роли носителей языка в становлении и формировании общего облика современного русского языка, то эта роль, в большей степени, заключается в ответственности за культуру речи. Демократизация общества и свобода слова оказывают неоспоримое влияние на современный русский язык, потому особенно остро стоит проблема языкового воспитания.

В то же время носители языка вправе решать самостоятельно, какие речевые модели выбирать, стоит ли экспериментировать с ресурсами языка или нет.

Язык сам выберет, какие из текущих процессов будут долгосрочными, а какие прекратятся спустя краткое время.

Литература:

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
2. Ларионова, А. Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору учебно-методическое пособие / А. Ю. Ларионова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 200 с.
3. Национальный корпус русского языка <https://ruscorpora.ru/>
4. Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. – М., 2005. <https://ksana-k.ru/?p=796>
5. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая / Ред. коллегия Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая / Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021 – 550 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИМИДЖЕВАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

Сегодня русский язык каждым своим словом исполняет важную миссию приобщения русского человека, других славян к высокой культуре, истории языка, общества и духовности. Проведение этой международной научно-практической конференции в нынешней языковой, культурной и образовательной практике Вашего края особенно актуально в контексте современных социально-политических и поликультурных реалий. В этой связи наиболее важной, для нас, участников, становится потребность в правильной интерпретации особенностей материальной, духовной и языковой культуры в образовательном процессе школы, среднего и высшего образовательного учреждения. Бесспорно и то, что проблематика конференции в наибольшей степени определена лингвокультурологическими и лингводидактическими ориентирами современной филологической науки.

Для меня очевидна и веская практическая направленность тематики, позволяющая обобщить результаты исследовательской и методической работы. Уверен, что перспективными станут и результаты проведения такого международного научного мероприятия, так как они позволят преподавателям и молодым исследователям русской словесности расширить спектр интегрированных аспектов изучения коммуникативных феноменов в фокусе языка и культуры. Также для меня является большой честью и ответственностью выступать перед столь заинтересованной аудиторией – педагогов и ученых, а также студентов, для которых русский язык, надеюсь на это – действительно, феномен мирового значения, а для многих смысл жизни ему служить, оберегать и его усердно изучать.

Нас всех сегодня особо должны волновать процессы осмысления «состояния» и «облика» русской словесности; проблемы речевого воздействия и взаимодействия преподавателя-русиста с его аудиторией, обучаемыми и освоения ими норм русской языковой культуры; сбережения и повышения имиджевой привлекательности «великого и могучего русского языка».

Состояние современного русского языка давно вызывает беспокойство, как филологов, так и представителей других наук, всех тех, чья профессиональная деятельность связана с речевым общением. Снижение уровня речевой культуры разных слоев русского общества, в том числе и интеллигенции, очевидна.

Глобализация мира и новые информационные условия требуют инновационных подходов к вопросам поддержки и популяризации русского

языка, сохранению лучших традиций отечественной словесности и культуры, воспитанию уважения к родному языку и стране в целом. Эти проблемы сверх актуальны. Надеюсь, что в ходе нашей работы будут предложены, в дополнение уже к сказанному, как практические рекомендации: т.е. сформулированы перспективы интегративного обучения русской словесности, интегрированные кейс-технологии, уроки, мероприятия; определены условия для языковой и социокультурной адаптации мигрантов, особенно из Донецка; предложены меры по развитию внешнеполитического диалога по вопросам сохранения русского языка в мире на основе норм международного права. Также надеюсь, что будут сделаны и научные выводы, о необходимости информационного сопровождения деятельности по поддержке и продвижению русского языка в мире и будет подтверждено, что русский язык и культурно-коммуникативная реальность — понятия взаимосвязанные.

Сегодня мы живём в эпоху поистине масштабных изменений в обществе, науке, культуре, политике. Судя по всему, живём мы и в эпоху коренной перестройки русского языка. Но, к сожалению, сложившиеся веками традиции нашей языковой культуры постепенно утрачиваются, а новые тенденции не всегда утешительны. В то же время ясно: наш язык интенсивно развивается. Разумеется, не без проб и ошибок, не без крайностей и максимализма. Однако сам факт его развития – свидетельство его жизнеспособности. Мы сильно изменились за последние десятилетия. А вместе с нами «живой как жизнь» меняется и наш язык.

В конце XX – начале XXI века в России произошли крупномасштабные и резкие перемены в политической и экономической сфере, коммуникационном пространстве, что привело к фундаментальным изменениям в социокультурной реальности нашей страны. Данные изменения были связаны с активным внедрением в отечественную коммуникативную реальность элементов иных культур, как западных, так и восточных. Привнесённые в социокультурное пространство нашей страны элементы культур Запада и Востока различаются сферой своего бытования, ролью и весом в культурно-коммуникативной реальности современной России. К сожалению, среди привнесённых инокультурных элементов проявляется языковое господство мировых сверхдержав, доминируют элементы западных культур, которые существенно отличаются друг от друга функционально и областью своего бытования.

Весьма важен и аксиологический аспект осмысления феномена активного использования иноязычных единиц в практике современной российской общественной коммуникации. Появление таких единиц в ряде случаев является следствием процесса внедрения в нашу культуру ценностных элементов иных культур. Кроме того, необходимо задуматься о

том, является ли полезным или же, наоборот, вредоносным для нашей культуры массовое использование иноязычных элементов в практике общественной коммуникации, не разрушается ли целостность сформировавшейся веками русской лингвокультуры?

Русский язык двадцать первого столетия – это довольно сложный феномен, в котором литературные элементы уживаются с просторечием и жаргоном, диалектами и заимствованиями. Кроме того, мир коммуникативен по своей природе: без коммуникации невозможно формирование личности человека, невозможна его самореализация в обществе, невозможно существование и самого общества как такового. Можно без преувеличения сказать: «Жить – значит общаться». Человек – существо общественное, а слова «общение» и «общество» являются однокоренными.

Известно, что существуют разные точки зрения по поводу соотношения терминов «общение» и «коммуникация»: одни исследователи признают данные термины абсолютными синонимами, другие полагают, что термин «общение» выражает более широкое понятие, чем термин «коммуникация», третьи считают общение одним из проявлений коммуникации, четвёртые, противопоставляя друг другу рассматриваемые термины, отмечают, что общение – процесс взаимный, двунаправленный, а коммуникация – процесс однонаправленный. Каждая из представленных точек зрения имеет свою аргументацию.

Исследователь, интерпретируя действительность, имеет право делать выводы исходя из специфики той грани объекта, которая является предметом его осмысления, и из базовых положений, выдвинутых им в качестве исходных. Полагаю, что рациональные зёрна можно найти в каждой из представленных точек зрения. Кроме того, носители языка и говорящие на нем имеют неодинаковый социальный статус, живут в разных местностях, странах, отличаются друг от друга уровнем образования и родом занятий. Да и в самом русском литературном языке, неоднородном по своей природе, выделяются две разновидности – разговорная и книжная. Как известно, первая из них используется для общения в неофициальной обстановке. Вторая – для официального общения. Язык, а тем более, русский язык, не может быть застывшим, раз и навсегда сложившимся явлением. С течением времени он, разумеется, изменяется.

С повсеместным распространением «всемирной паутины» заговорили о новой форме разговорного стиля – языке интернет-чатов и социальных сетей. Произошла интернетизация русского языка. В зале много молодых исследователей, поэтому скажу более для вас. Да, интернет дал нам очень специфическую форму существования языка. Мы со студенческой скамьи знаем, что в разговоре о языке нужно помнить о дихотомии язык v с речь. Есть

язык, который описан в грамматиках, словарях; это некая данность, конструкт, которым мы пользуемся в речи. Но сейчас все чаще лингвисты говорят о том, что Интернет - это еще одна плоскость существования языка. Не просто речь: она не устная, не письменная, она специфическая. И в этом смысле нам, лингвистам, добавлю, лингвокультурологам особенно, повезло: теперь мы можем следить за непринужденным человеческим общением, облеченным в письменную форму: предложения не заканчиваются, знаки препинания не расставляются и т.д. Речь в Интернете - смешанная, гетерогенная речь: она обладает характеристиками и устной, и письменной речи. И получается, что мы и не говорим, и не пишем правильно, а владеем языком в каком-то промежуточном состоянии.

Следующая особенность интернетизации русского языка - это появление эмодзи. Причем смайлики появились задолго до того, как был создан компьютер в том виде, в каком мы его знаем сейчас. И в течение нескольких лет некие графические значки используются в письменной речи для выражения эмоций пишущего, что с точки зрения пунктуации выглядит по меньшей мере нелепо. Другая тенденция интернетизации - возникновение своеобразного сетевого нетикета.

Тем не менее, Интернет - это та среда, в которой общается основная масса людей. Именно Интернет позволяет, с одной стороны, сохранять анонимность, с другой стороны, делает людей легко уязвимыми в этом пространстве, а всё это неминуемо изменяет отношение к языку.

Изменения в культурно-коммуникативной реальности, произошедшие в конце XX – начале XXI века, получили своё лингвокультурологическое выражение. Оно проявилось в следующем: в употреблении в сообщениях на русском языке иноязычных единиц в их русском графико-орфографическом оформлении; в употреблении в сообщениях на русском языке русских лексических единиц в их оформлении буквами английского (латинского в своей основе) алфавита; в синтезе пришедших из западных и восточных языков лексических единиц в сообщениях на русском языке; в употреблении элемента «&», представляющего собой графический эквивалент английского союза «and 'и'», для связи русских слов; в графическом оформлении дробных единиц цифрового формата, называющих количество предметов; в стилизованном употреблении графических единиц, имитирующих привнесённые в нашу лингвокультуру элементы иных лингвокультур.

Использование иноязычных единиц в сообщениях на русском языке обусловлено различными целевыми установками коммуникаторов. Поэтому возникла необходимость и потребность ознакомления с лингвистическим материалом в новых формах с привлечением носителей языка, в данном случае русского.

Большинство заимствований связано с ориентацией россиян, особенно молодежи, на западную систему ценностей. Русский язык, по словам А.С. Пушкина, «переимчив и общежителен», он легко принимает иностранные слова, но если они действительно нужны.

Русский язык - во всех отношениях великан, у него - колоссальный словарь (более 150 тысяч слов), чёткая и ясная грамматика. Живой, гибкий, изобретательный, этот язык является не только творчеством русского народа, но и всех народов, населяющих Россию и зарубежье.

Аналогичным образом сказывается на эффективности общения и нарушение этических норм, неэтичное обращение к собеседнику. Ярким примером нарушения коммуникативных норм может служить использование в речи молодых деловых людей англо-американских заимствований, например: аппликуха (от англ. application) - прикладное программное обеспечение; икспенсы (от англ. expense) - затраты; канцелировать (от англ. cancel) отменить; отревьюировать (от англ. to review) составить отзыв о деятельности сотрудника; отхэппибёздить (от англ. happy birthday) - отпраздновать день рождения сотрудника. Этот так называемый английский русский сленг - настоящая языковая болезнь молодых людей, в том числе и студентов. По этой же причине сейчас активно употребляются слова «тренд» (вместо слова «тенденция»), «трафик» (вместо слова «движение»), «транспарентный» (вместо слова «прозрачный»), «баттл» (вместо слов «битва», «состязание») и ряд других.

Однако человек, живущий в обществе, подчиняется этому обществу. И любые нормы (и нравственные, и языковые) - это не требования человека к самому себе, а требования общества к человеку.

Современная жизнь, жизнь в начале 21 века, в эпоху перемен, обострила проблемы социокультурной речевой коммуникации и взаимопонимания.

Языковая культура – это гуманистическая культура в целом, переведенная в форму речевой деятельности, направленная на поиск истины, совершенствование и духовное обогащение личности.

Языковая культура – это культура добрых, умных и красивых чувств и мыслей, выраженных в слове, в речевом воздействии и взаимодействии, в гармонизирующем диалоге культур.

Культура общения – это общение культур, ибо каждый человек является «продуктом» определенной культуры, страны, общества, семьи, религии, воспитания.

Диалог культур, на котором основано современное общение, предполагает необходимые знания о представителях той или иной культуры и религии.

Общение в культуре — это не обмен информацией, не «разделение труда», не «участие в общем деле» или в «общем наслаждении». Это событие и взаимодействие двух (и многих) совершенно различных миров — различных онтологически, духовно, душевно, телесно.

Вопрос языка – это вопрос национального самосознания, национальной самоидентификации. Язык – зеркало того общества, в котором он функционирует.

В 2015 году Президент РФ утвердил Концепцию государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом. Содействие изучению и преподаванию русского языка, реализации научно-исследовательских и образовательных программ в области изучения и преподавания русского языка как иностранного и второго родного, в том числе направленных на поддержку зарубежных преподавателей русского языка. Этим надо заниматься. Поэтому на современном этапе в разгар эпохи глобальной, политической, экономической и культурной интеграции планеты, неизменно влекущей за собой размывание традиционных межэтнических и межнациональных границ, проблема сохранения культурной самобытности русской нации, языковой самостоятельности русского языка является одним из важнейших вопросов современного языкознания.

Канец О.В.

ЛИТЕРАТУРА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Проблема постмодернизма, как отмечает И.П. Ильин, была поставлена в зарубежных исследованиях в 80-х годах прошлого века. Труды отечественных культурологов и литературоведов по данной проблеме тоже стали появляться в последние десятилетия XX века. К ним можно отнести работы И.П. Ильина, М.Н. Эпштейна, И.С. Скоропановой и других.

Единогласного же мнения о времени возникновения эпохи постмодерности и её первого периода – постмодернизма нет. На Западе возникновение постмодернизма относят к 1939 году – началу Второй мировой войны и написанию романа Дж. Джойса "Поминки по Финнегану". Сложнее обстоит дело с зарождением постмодернизма в России. По этому вопросу существует множество мнений. Но можно выделить три основных точки отсчёта этого литературного периода:

1) 60-70-е гг. XX века (появление произведений А. Битова, Саши Соколова);

2) 90-е годы XX века (публикация статьи Ерофеева "Поминки по советской литературе");

3) 20-30-е гг. XX века (написание М. Булгаковым поэмы "в десяти пунктах с прологом и эпилогом" "Похождения Чичикова", сатирических повестей "Дьяволиада", "Роковые яйца", "Собачье сердце" и романа "Мастер и Маргарита").

Отсутствует и цельное исследование об особенностях отечественного постмодернизма. В результате чего имеет смысл говорить об актуальности темы нашего исследования, целью которого явилось осмысление не только временных границ, но и особенностей литературы отечественного постмодернизма. В качестве основных методов исследования нами были использованы: герменевтический, сравнительно-сопоставительный, мотивный и интертекстуальный. Обращаясь к ним, мы попытались установить время возникновения постмодернизма в отечественной литературе, отодвинув точку отсчёта этого литературного периода к 20-30-м годам прошлого столетия и связав её с творчеством М.А. Булгакова. Возникновение же самого термина "постмодернизм" относят к ещё более раннему времени – 1917-му году. Эта дата стоит особняком в русской истории и литературе. В 1917 году произошло две русских революции, одна из которых (октябрьская) разделила единый процесс в русской литературе на три русла: литературу «русского зарубежья», литературу, «официально не признанную» ("духовные изгнанники") и литературу социалистического реализма. К 1917-му году относят и окончание "серебряного века" в русской культуре. Так или иначе, но именно 1917 год ознаменовал хаотичность в обществе и отсутствие чётких жизненных ориентиров у русской интеллигенции. А это, в свою очередь, привело и к смене культурных эпох: модернизм, с её стремлением к абсолютной новизне и отрицанием прежних традиций, сменилась постмодернизмом, претендовавшей на новизну и основным своим принципом объявлявшей интертекстуальность – обращение к другим литературным текстам, отражающим культурные традиции предшествующих эпох. Таким образом, имеет смысл говорить об установлении более ранней точки отсчёта в русской постмодернистской традиции и отнести возникновение русского постмодернизма к 1920-1930-м годам, связав его с творчеством М. А. Булгакова, в произведениях которого прослеживаются следующие постмодернистские особенности:

- 1) отказ от коммунистических и социалистических утопий;
- 2) отказ от реализма;
- 3) обращение к мистике и фантастике;
- 4) интертекстуальность;
- 5) апокалиптичность;

6) эксперименты с художественным временем и пространством (наличие множества хронотопов), многомирие;

7) проблема шизофренического сознания (видения);

8) схематизм образной системы, "растворение характера" [1:184-196].

Появляются постмодернистские тенденции в творчестве М. А. Булгакова с 1922-го года, когда им была создана "Поэма в десяти пунктах с прологом и эпилогом" "Похождения Чичикова". Критикуя московскую действительность 1920-х годов, М. А. Булгаков обращается в этом произведении к гоголевской поэме "Мёртвые души" и погружает её героев в московский хронотоп. Чичиков, Собакевич, Ноздрёв, Петрушка, Селифан, Фетинья, благодаря беспредельной булгаковской фантазии, оказываются выпущенными из ада, на входе в который красуется надпись: "Мёртвые души". И что самое интересное: "гоголевские" герои прекрасно приживаются в булгаковском тексте. Таким образом, можно сказать, что уже с 1922-го года в творчестве М. А. Булгакова прослеживается отказ от коммунистических утопий: ведь новый строй так же, как и прежний оказывается благоприятным для процветания различных человеческих пороков. Присутствуют в булгаковском произведении такие особенности, как отказ от реализма и обращение к мистике и фантастике. Писатель изображает царство мёртвых – ад, где находятся грешники, которых выпускает "шутник-сатана" [2:377]. Булгаков и сам, подчёркивая мистический характер своего творчества, утверждал, что он "мистический писатель". Следуя во многом гоголевской традиции (а Гоголь, как известно, любимый писатель Булгакова), Булгаков изображает несколько хронотопов: ирреальный хронотоп царства "теней", хронотоп Москвы 20-х годов прошлого века, опосредованно обращаясь и к хронотопу России XIX века, изображённому Н. В. Гоголем в его поэме "Мёртвые души". Таким образом, необходимо отметить, что принцип интертекстуальности, использованный Булгаковым, тесно переплетается с другим – наличием нескольких хронотопов в произведении. Более того, интертекстуальность в поэме Булгакова проявляется в обращении не только к "Мёртвым душам" Гоголя, но и к апокалиптическим мотивам, согласно которым в «Похождениях Чичикова» изображён "шутник-сатана", выпускающий мёртвых душ из ада. На "апокалиптические нарративы" как неизменную черту эпохи постмодерности указывал в своём исследовании "Постмодернизм" американский литературовед Кевин Харт [3:34]. Апокалиптические мотивы, свидетельствующие об обращении М. А. Булгакова к последнему сочинению новозаветного канона – "Откровению святого Иоанна Богослова", прослеживаются и в других произведениях писателя: романе "Белая гвардия", сатирических повестях "Дьяволиада", "Роковые яйца", "Собачье сердце", пьесе "Адам и Ева". Правда, в каждом из названных произведений они

представлены по-разному: в романе "Белая гвардия" и повести "Дьяволиада" так же, как и в поэме «в десяти пунктах с прологом и эпилогом» "Похождения Чичикова", речь идёт об интерпретации библейской легенды о том, что перед концом света на Земле должен появиться антихрист. Апокалиптические мотивы даны и в закатном романе М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита", в котором Воланд и его свита, покидающие Москву, сопоставимы с четырьмя апокалиптическими всадниками, появления которых в течение двух тысячелетий ожидает человечество. В повести "Собачье сердце" эсхатологические мотивы (затопление Шариковым квартиры профессора Преображенского) уходят своими корнями к ветхозаветной легенде о всемирном потопе. А в повести "Роковые яйца" Булгаков интерпретирует легенды Апокалипсиса о нашествии гигантских чудовищ. Но так или иначе обращение к мотивам конца света в булгаковском творчестве свидетельствует не только об апокалиптических нарративах, но и об интертекстуальности как одной из основных черт постмодернистской литературы. Сатирические повести М. А. Булгакова, впрочем, так же, как и московские главы романа "Мастер и Маргарита", свидетельствуют об отказе "от основ, или корней", т.е. от коммунистических и социалистических утопий. Прослеживается в сатирических повестях и в романе "Мастер и Маргарита" и обращение к мистике и фантастике. Трансформацию претерпевает также образная система. Образы героев в булгаковских произведениях приобретают черты обобщённости и схематизма. Характер героев дан как бы штрихами, набросками, что свидетельствует о так называемом процессе "растворения характера в романе", о чём писала английская исследовательница Кристин Брук-Роуз [1:184-196]. Образы булгаковских героев представляют собой идеи мировой литературы, а их прообразы коренятся в текстах древних мифов или сказок. Более того, можно сказать, что образы героев ершалаимских глав имеют зеркальное отражение в московских главах. На это соответствие указывала в своей статье «М.А. Булгаков» Т.М. Колядич [4:139]. Так, например, зеркальным отражением Иешуа Га-Ноцри является Мастер. А оба эти образа берут свое начало от библейского Иисуса Христа, чей образ восходит к идее Учителя, распространенной в мировой культуре, литературе. Есть у булгаковского Иешуа Га-Ноцри и свой ученик Левий Матвей, зеркальным отражением которого в московских главах является поэт Бездомный. Причём, отражаются не только образы героев, но и образ города: расположение улочек Москвы совпадает с местонахождением ершалаимских кварталов. Уходят своими корнями в другие литературные источники, мифологию и фольклор также образы Воланда и его свиты. К примеру, на создание образа Воланда мог повлиять не только образ Мефистофеля, созданный Гёте в его драматической поэме «Фауст», но и образ библейского дьявола, традиционно

отождествляемый с мировым злом. Подобные соответствия прослеживаются и при анализе образов Коровьева-Фагота, Азazelло, кота Бегемота, подробно исследованных доктором филологических наук Ириной Галинской в её статье «Ключи даны! Шифры Михаила Булгакова». Так или иначе, но все эти образы укладываются в давно существующие в мировой культуре, литературе схемы и представляют собой определённые идеи, обобщения, лишённые психологических черт.

Схематизмом отличаются и образы героев романа А. В. Соколова "Школа для дураков", автор которого продолжает булгаковскую традицию. Они тоже представляют определённые идеи мировой литературы и берут своё начало в мифологии и фольклоре. Так, например, образ Павла Петровича Норвегова отождествляется сразу с несколькими образами мировой культуры – апостолом Павлом, Христом, Леонардо да Винчи -, которые объединяются одной идеей Учителя. Есть у Норвегова и свой ученик – главный герой романа Саши Соколова – мальчик-Нимфея.

Можно сказать, что образы героев романа «Школа для дураков» являются переосмыслением архетипов, коренящихся в сознании людей. Эти образы интертекстуальны так же, как и сюжеты, заимствованные из различных источников. К подобным сюжетам можно отнести сюжет о Насылающем ветер, связанный с мотивами Откровения святого Иоанна Богослова, а апокалиптические мотивы, как известно, свидетельствуют о постмодернистских особенностях в творчестве писателя.

Обращается А. В. Соколов в своём романе "Школа для дураков" и к проблеме патологического сознания героя, прочно вошедшей в русскую литературу, начиная с "Записок сумасшедшего" Н. В. Гоголя, "Палаты № 6" и "Чёрного монаха" А. П. Чехова в XIX веке, а также рассказа "Морфий" и романа "Мастер и Маргарита" М. А. Булгакова, занявших особое место в русской литературе века двадцатого. Причём, обращение к проблеме патологического сознания в романе А.В. Соколова "Школа для дураков" выполняет такую же роль, как и в романе М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита": позволяет ввести в структуру произведения дополнительные хронотопы и образы новых героев. Больное сознание Мастера (он, как известно, страдает от нервно-психического заболевания) и Бездомного (поражённый появлением Воланда, поэт попадает в клинику для душевнобольных) порождает красочные картины жизни и смерти Иешуа Га-Ноцри. Патологическое сознание главного героя романа А.В. Соколова мальчика-Нимфеи позволяет автору ввести несколько хронотопов: возрожденческий, античный, христианский. Такое свободное обращение с художественным временем и пространством, порождающее многомирие в постмодернистском тексте, предоставляет героям возможность свободно перемещаться из одного хронотопа в другой, общаться с мёртвыми. Так

булгаковский Мастер видит героя своего романа Понтия Пилата, а мальчик-Нимфея Саши Соколова общается с Леонардо да Винчи и умершим учителем географии Павлом Петровичем Норвеговым.

Проблема патологического сознания присутствует и в романе В.О. Пелевина "Чапаев и Пустота", в котором, благодаря шизофреническому сознанию главного героя романа Петра Пустоты, появляется несколько хронотопов: наряду с современным времяпространством читатель видит пореволюционное, где находятся Чапаев, Анна, Котовский. Большое сознание пациентов психиатрической клиники, находящихся на излечении с Петром Пустотой, среди которых можно назвать Сердюка, Володина и Просто Марию, тоже порождает определённые времяпространства. Образы героев романа В. О. Пелевина "Чапаев и Пустота" так же, как в романе М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита", романе А. В. Соколова "Школа для дураков", представляют обобщение и отличаются схематизмом, а в их основе лежат идеи мировой литературы, мифологии, фольклора. К примеру, пелевинский Чапаев похож на буддийского гуру, а его образ ассоциируется с мировой идеей Учителя. Поэт-декадент Пётр Пустота – ученик Чапаева. Но оба пелевинских героя одновременно с этой сущностью, указанной нами выше, восходят и к образам героев анекдотов времён Гражданской войны о красном командире Чапаеве и его адъютанте Петьке.

Таким образом, необходимо отметить, что во всех трёх романах ("Мастер и Маргарита" М. А. Булгакова, "Школа для дураков" А. В. Соколова, "Чапаев и Пустота" В. О. Пелевина) в образной системе прослеживается одно и то же соответствие: Учитель – Ученик, уходящее своими корнями в мифологию разных народов. И это соответствие в высшей степени интертекстуально, впрочем, и как образы других героев: Анны (роман В. О. Пелевина "Чапаев и Пустота"), Маргариты (роман М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита") и других. Интертекстуальны и эсхатологические мотивы романа В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота».

Интертекстуальность является особенностью творчества и Т. Н. Толстой, обращающейся в своих произведениях к мифу и сказке. Примером может служить рассказ "Ночь Феникса", в котором писательница для того, чтобы подчеркнуть значительность наступления Нового года, вводит в художественную ткань произведения повествование о сказочной птице Фениксе, обладающей способностью возрождаться из пепла. Таким образом, наряду с современным хронотопом возникает мифологический – хронотоп Феникса. Присутствует в рассказе и ещё одно "времяпространство" [5:121] – Великой Отечественной войны.

Наличием нескольких хронотопов характеризуются также и другие произведения Т. Н. Толстой, относящиеся к её малой прозе. Среди них:

рассказ "Смотри на обороте", в котором присутствует три хронотопа: "времяпространство" современной автору России, хронотоп Равенны XX века и мифологическое "времяпространство" первого века нашей эры, изображённое на открытке. Обращается Т.Н. Толстая к мифу и сказке и в эссе «Лилит», в котором обобщающим выглядит образ Лилит, взятый из еврейской мифологии. Необходимо отметить, что обращение к мифу и сказке выступает в творчестве Толстой как одно из проявлений интертекстуальности. Более того, можно сказать, что мифологичность и сказочность позволяют усложнить структуру произведений: в них появляется несколько хронотопов.

Прослеживается в творчестве Т.Н. Толстой и ещё одна особенность, подтверждающая постмодернистский характер её проведений - "отказ от естественных основ, или корней", от коммунистических, или социалистических утопий. Примером этого могут служить такие рассказы и эссе, как "Крутые горки", "Чужие сны", "Женский день" и другие. В данном случае Т.Н. Толстая продолжает традицию М.А.Булгакова («Дьяволиада», "Роковые яйца", "Собачье сердце", "Мастер и Маргарита"), А.В.Соколова ("Школа для дураков"), В.О.Пелевина («Жизнь насекомых»).

Таким образом, необходимо отметить, что в творчестве отечественных писателей (М.А. Булгакова, А.В. Соколова, В.О. Пелевина, Т.Н. Толстой), чьё творчество относится к XX веку, устойчиво прослеживаются следующие постмодернистские особенности: наличие множества хронотопов, многомирие; интертекстуальность; отказ от реализма, позволяющий обратиться к мистике и фантастике (в творчестве М.А. Булгакова и В.О. Пелевина), а также - к мифу и сказке (в произведениях А.В. Соколова и Т.Н. Толстой); апокалиптические мотивы, присущие произведениям М.А. Булгакова, А.В. Соколова, В.О. Пелевина; "отказ от естественных основ, или корней", что значит в отечественной литературе отказ от коммунистических и социалистических утопий, причём, данная черта выступает одной из основополагающих в творчестве М.А. Булгакова, А.В. Соколова, В.О. Пелевина, Т.Н. Толстой; присутствует в творчестве выше названных нами писателей и проблема патологического сознания, реализующаяся в произведениях М.А. Булгакова, А.В. Соколова, В.О. Пелевина; прослеживается в их произведениях и «растворение характера» героя, обобщённость и схематизм образной системы. Наличие выше перечисленных особенностей позволяет говорить об отнесении творчества М.А. Булгакова, А.В. Соколова, В.О. Пелевина, Т.Н. Толстой к постмодернистской литературе и о зарождении отечественного постмодернизма в 20-30-х годах прошлого столетия.

Литература:

1. Brooke-Rose Chr. The dissolution of character in the novel // *Reconstructing individualism: Autonomy, individuality, and the self in western thought*. Stanford, 1986. P. 184-196.
2. Булгаков М.А. Похождения Чичикова // *Ранняя проза: рассказы, повести / Сост., автор вступ. ст. Н.М. Сергованцев. – М.: Современник, 1990. – С. 377-388.*
3. Харт К. Постмодернизм / пер. с англ. К. Ткаченко. Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
4. Колядич Т.М. М.А. Булгаков // *Русская литература XX века: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1: 1920-1930-е годы / под ред. Л.П. Кременцова. Москва: Академия, 2002. С. 123-141.*
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. Москва: Худож. лит., 1986. С. 121-290.

Новоселова С.Ю.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Картина мира, складывающаяся у человека, в значительной степени определяется системой языка, на котором он говорит. Слово формирует внутренний мир человека, его мышление, является вместилищем культурной памяти народа. Базовые позиции формирования и функционирования языковой политики включают исторические, политические и социальные аспекты.

Ситуация в языковой политике имеет своеобразную двойственность: с одной стороны, необходимость поддержки языкового разнообразия и обеспечение прав языковых меньшинств, с другой стороны, стремление к унификации общения. В этой связи интенсивное взаимодействие разных стран и политика поликультурализма внутри государства должны базироваться на тщательном изучении языковых процессов и тенденций. И именно поэтому от ученых-лингвистов, литературоведов, социологов, специалистов в области страноведения и методики обучения языкам напрямую зависит, насколько гуманитарноориентированной будут внешняя и внутренняя политика в целом [4].

С этнолингвистической точки зрения Российская Федерация представляет собой полиэтнический феномен: 193 народа, проживающих в России, используют приблизительно 295 языков и диалектов. Наша страна по-

прежнему демонстрирует разнообразие народов, проживающих на ее территории, и количество языков, на которых они говорят. При этом в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 - в качестве языка обучения, 81 - в качестве учебного предмета.

Однако по данным Института языкознания РАН, из числа чуть более полутора сотен языков России не менее 15% языков находятся на грани исчезновения, а 75% языков - под угрозой исчезновения [1].

В современном мире, в условиях глобализации, языковые проблемы приобретают новое звучание. Изменения, происходящие в социальной структуре мирового сообщества, активизировавшиеся миграционные процессы, языковые конфликты – все это влияет на языковые процессы.

Многообразие и насущность проблем, подлежащих ведению языковой политики, предполагают разные подходы в ее трактовке.

В научной литературе в понятие языковая политика может вкладываться разное содержание. Так, в рамках одного из подходов языковая политика понимается как система мер сознательного регулирующего воздействия на функциональную сторону языка, а через ее посредство в известной мере также и на его структуру [Аврунин, 1970].

В более широкой трактовке языковая политика подразумевает совокупность мер, принимаемых для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или форм существования языка для введения новых или консервации употребляющихся языковых норм [Никольский, 1976].

«Совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям» [Словарь социолингвистических терминов, 2006].

Таким образом, языковая политика предусматривает регулирование процессов использования языков, выработку системы инструментов и целей, признаваемых обществом и содержащую план действий на будущее.

Основой для реализации языковой политики посредством законов, концепций, программ является языковое законодательство. Так, статус русского языка как государственного языка Российской Федерации закреплен в статье 68 Конституции Российской Федерации. В этой же статье указано конституционное право республик устанавливать «свои государственные языки» [ст. 68, п.2], а также предоставляются гарантии права «на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» [ст. 68 п. 3].

Указанные положения Конституции имплицитно констатируют необходимость соблюдения в языковой политике баланса в правовом регулировании языковых отношений между русским языком как государственным языком РФ и национальными языками, имеющими статус государственных на территории республик.

Нормативная правовая база федерального и регионального уровня, включающая Конституцию РФ, закон «О государственном языке Российской Федерации», закон «Об образовании в Российской Федерации», закон «О языках народов Российской Федерации», а также конституции и законы о языке республик РФ (всего более 30 законодательных актов) лежат в основе языковой политики РФ.

В самое последнее время уделяется большое внимание вопросам языковой политики.

Функционирует Совет по русскому языку при Президенте РФ (две важнейшие стороны деятельности — поддержание русского языка как государственного, и поддержка остальных языков РФ); создан Фонд сохранения и изучения родных языков РФ при Правительстве РФ (учебники, подготовка педагогических кадров); Форумы, съезды, конференции.

В реализацию языковой политики вовлечены Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство просвещения РФ, Федеральное агентство по делам национальностей РФ, Государственная Дума РФ.

Активное участие академической науки: Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН, Институт лингвистических исследований РАН и другие институты участвуют в разработке конкретных программ, выработке концепции языковой политики, реализации различных проектов.

Процессы межкультурной интеграции на национальном и международном уровнях обусловили модернизацию содержания языкового образования в России. Язык выступает как средство познания картины мира, приобщения к ценностям, созданным другими народами. Одновременно язык — это ключ для открытия уникальности и своеобразия собственной народной самобытности и исторических достижений представителей других культур [3].

Сегодня каждое образовательное учреждение включено в процессы обучения в условиях двуязычной (многоязычной) и инклюзивной среды, что с одной стороны улучшает отношения между разными группами носителей языков и способствует их когнитивному развитию, с другой стороны помогает поддерживать языковое разнообразие и баланс языковых идентичностей.

В условиях цифровизации высокой оценки заслуживает деятельность современных вузов, направленная на всестороннее продвижение государственного языка и многонациональной культуры России с использованием самых передовых инструментов, что позволяет проецировать

мягкую силу отечественной дипломатии влияния на самую широкую аудиторию [2].

Так, например, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Российский университет дружбы народов, большинство федеральных и национальных университетов создали уникальную электронную образовательную среду для тех, кто изучает и преподаёт русский язык. Данная образовательная среда обусловлена ориентацией на широкий спектр образовательных онлайн-программ по русскому языку для лиц любого возраста, страны проживания, социального статуса и уровня образования.

Русский язык в современных условиях – это язык образования, науки, бизнеса, искусства и высоких технологий, что актуализирует потенциал самых разноформатных проектов и мероприятий, способных обеспечивать нормальное его функционирование как средства межкультурной коммуникации.

Таким образом, языковая политика государства – это часть общей политики. Она способствует установлению взаимопонимания, толерантности как в нашем обществе, так и в мире. Особенно актуально это в реалиях сегодняшних политических событий в отношении урегулирования языковой жизни в славянских странах, соблюдения прав народов в них проживающих.

Общая численность славян в мире – 300-350 миллионов человек. Славяне представляют основную часть населения России, Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Хорватии, Словакии, Болгарии, Сербии и Черногории, проживают также во всех постсоветских странах, Венгрии, Греции, Германии, Австрии, Италии, в странах Америки и в Австралии.

Во все времена разные ветви славянских народов помнили о своих исторических корнях, стремились сохранить свою культуру и многовековую связь друг с другом.

Так пусть эти 10-е «Славянские чтения» 2022 года станут вкладом в единство и мирное сосуществование славянских народов!

Литература:

1. Головкин Е.В. «Языковое разнообразие и языковая политика как научная проблема» / электронный ресурс <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=7dc7ddb3-2443-427d-8bc0-c331026b6be3&print=1> (дата обращения 10 апреля 2022 года).

2. Данилов В.Д., Шевченко Я.Н. Русский язык на постсоветском пространстве глазами молодых исследователей из России и Киргизии: апология прагматизма и новые возможности для диалога культур // Международные отношения. – 2020. – № 3. – С. 54 - 66.

3. Е.П. Глумова Языковая политика Российской Федерации в области обучения иностранным языкам // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы второго международного научно-образовательного форума 25–26 сентября 2018 г. - Н. Новгород: НГЛУ, 2018. – с.30.

4. Языковая политика и лингвистическая безопасность: Материалы второго международного научно-образовательного форума 25–26 сентября 2018 г. / Ответственный за выпуск руководитель Центра координации научно-исследовательской деятельности, проф. М.А. Викулина. Н. Новгород: НГЛУ, 2018. – с. 141.

Режук З.В.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ КРОССКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Развитие современного общества ставит перед учеными-лингвистами все новые и новые задачи. Одной из таких задач является повышение эффективности в разных областях коммуникации, а именно, в социальном, политическом, деловом общении, общении в сфере образования и науки. Роль коммуникации в современном мире широко признана. В процессе социальной деятельности люди неизбежно прибегают к коммуникации, поэтому так важно знать основы кросскультурной коммуникации. Это знание дает возможность справиться с трудностями кросскультурного диалога, сократить число конфликтных ситуаций и стимулировать деятельность людей. Любая созданная человеком конструкция, включая культуру и коммуникацию, может выполнять одну из двух основных функций: способствовать или обеспечивать возможность дальнейшей деятельности или препятствовать деятельности, ограничивая ее [1]. Таким образом, понимание специфики кросскультурной коммуникации позволяет изменить общественное сознание людей и нацелить его на формирование толерантности, эмоционального интеллекта и культурного релятивизма при любом межкультурном взаимодействии.

Учитывая все эти факторы, а также запросы партнеров ЮФУ с 2020 года в нашем университете начали готовить высококвалифицированных специалистов в области кросскультурной коммуникации, способных в своей профессионально деятельности осуществлять продвижение бренд-имиджа России как мирового лидера в различных областях, например, в образовании, науке, в исследованиях через связи с общественностью в условиях кросскультурной коммуникации. Обращение к значимым проблемам изучения

кросскультурной коммуникации и международного лидерства обеспечивает целостность предлагаемой программы, а возрастающая в последние годы актуальность осмысления теоретического и практического содержания ряда важных проблем развития современного общества делает востребованными на рынке труда специалистов в области современного гуманитарного знания. Программа предназначена для тех, кто хочет совместить изучение кросскультурной коммуникации с развитием своих знаний в области культуры, международных отношений, а также сформировать компетенции международного лидера.

Обоснованность подготовки таких специалистов для города, области, Южного федерального округа и Российской Федерации в целом опирается на геополитические задачи РФ, расширяющиеся экономические, образовательные и культурные связи с зарубежными странами, растущее взаимодействие в академической и научной сферах, спросом на молодые кадры с управленческими навыками. Существует потребность в подготовке кадров для иностранных государств, т.к. «изучение и учет особенностей кросскультурных коммуникаций позволяет прогнозировать поведение иностранных партнеров, избегать ошибок в управлении международными организациями и проектами» [2]. Образовательная программа магистратуры, которая готовит таких специалистов называться «Кросскультурная коммуникация, связи с общественностью и международное лидерство». По просьбам абитуриентов и наших партнёров с 2022 года эта программа расширяет свои возможности за счет включения связей с общественностью в перечень изучаемых дисциплин.

Образовательная программа предлагает набор курсов по разным областям знания. Сюда относится и «Парадигма современного гуманитарного знания», «Речевой имидж лидера», «Кросскультурный менеджмент», «Лидерство и командообразование», «Связи с общественностью в различных сферах деятельности», «Развитие культурной идентичности в аспекте лингвистического моделирования», а также курсы, направленные на изучение межкультурной коммуникации и проблем, связанных с ней и многое другое. Обратите внимание на то, что очень большое внимание уделяется изучению иностранного языка. Набор дисциплин, входящих в основной блок программы позволяет выработать навыки, важные для достижения эффективного кросскультурного общения:

- знание иностранного языка и культуры страны партнера. С 2022 года мы расширяем набор изучаемых иностранных языков за счет введения факультативов по испанскому, арабскому и китайскому языкам. На занятиях по иностранному языку магистранты системно изучают фонетику, лексику, грамматику, словообразование, а также овладевают закономерностями строения

и функционирования изучаемого языка, его стилистические, морфологические и синтаксические особенности и особенности его статусно-функциональные и социальных разновидностей;

- вести профессиональную коммуникацию в сфере образования, науки, культурных и деловых проектов и т.д., используя основными дискурсивные стратегии и тактики для реализации коммуникативных целей с учетом национальных особенностей коммуникативного контекста, а также интеракциональными и контекстными лингвистическими и экстралингвистическими знаниями, позволяющими предотвращать или решать конфликтные ситуации и урегулировать спор;

- организовывать, продвигать, управлять событиями (культурно-просветительские мероприятия, конференции и многое другое);

- вести научно-просветительскую и исследовательскую деятельность;

- успешно реализовывать знания о деятельности международных организаций, дипломатических представительств и консульских учреждений;

- планировать и осуществлять через связи с общественностью комплексное информационное влияние.

Новый компонент обучения – связи с общественностью – позволит более эффективно влиять на общественное мнение и поведение, создавать отношения лояльности и доверия, способствовать развитию социального партнерства и разрешению конфликтов. Главная функция связей с общественностью – содействовать развитию эффективной коммуникации, ее поддержанию и расширению, а также создание и обеспечение благожелательного отношения между различными группами общественности, как внутри одной культуры, так и между разными культурами.

Перечень компетенций, развиваемых магистерской программой, позволяет выпускникам полноценно и эффективно решать профессиональные задачи в разных видах деятельности, что делает их востребованными на рынке труда. Магистры могут найти свое призвание как в преподавании различных дисциплин филологического знания, так и в административно-организационной деятельности совместных российско-иностранных предприятий, поскольку расширение международных гуманитарных контактов, проектирование культурно-ценностного контекста принимаемых решений и прогнозирование последствий, предпринимаемых экономических и социокультурных преобразований является важнейшей составляющей деятельности таких предприятий.

Образовательная программа объединяет две модели: исследовательскую, направленную на подготовку магистранта к работе в научных подразделениях и нацеливающую выпускников на поступление в аспирантуру с последующей защитой диссертации в диссертационном

совете; практикоориентированную, обеспечивающую практическое овладение важнейшими социокультурными технологиями осуществления культурных практик в сфере актуальных проблем культуры и современных межкультурных коммуникаций.

Научно-исследовательская ориентация программы предполагает умение выбрать релевантные исследованию подходы и методики, применение теоретических и практических знаний при написании научных статей, обзоров, монографий, создание и научное описание социокультурных проектов, критический анализ и интерпретация культурных форм, процессов и практик на основе существующих научных теорий и концепций.

Проектно-аналитическая и экспертная ориентация программы обеспечивает выпускника навыками разработки и реализации проектов в различных областях кросс-культурных коммуникаций. Данная ориентация связана также с консультационной работой в рекламно-информационных агентствах, туристических фирмах и компаниях, государственных, общественных и бизнес-структурах, учреждениях культуры.

К проектированию и реализации программы были привлечены партнеры, такие как Гаванский университет, Институт компьютерных наук (Гавана), Университет Гуантанамо, Университет «Марта Абреу» де лас Вильяс (г. Санта Клара), Министерство высшего образования Кубы - получено согласие о реализации практик на базе вузов международных академических чтений, совместных исследовательских проектов по профилю магистратуры, Представительства Россотрудничества в разных странах (Куба, Абхазия, Монголия, Беларусь, Казахстан и др.) - запланировано проведение мероприятий академического характера в рамках совместного плана мероприятий, в т.ч. по тематике программы (школа международного лидера и т.п.), Отдел внешних связей и межмуниципального сотрудничества Администрации г. Ростова-на-Дону - проведение производственной практики, компания Programa Europeo de Excelencia – «Европейская программа повышения качества образования» (Эквадор) – является давней площадкой для академических чтений, а также базой для исследований в рамках конкретного региона, возможное трудоустройство для выпускников программы. В 2021 году был открыт «Российский языковой и культурно-образовательный центр» ЮФУ в Гушиской средней школе старшей ступени Юнхэ провинции Хэнань (Китай), Китайско-российский центр образования и культуры ЮФУ (совместно со Средней профессиональной школой Шаньдун Хуадэ (Китай), которые также стали базами практик для магистрантов и предоставляют возможности для трудоустройства.

Среди преимуществ данной программы особое внимание хотелось бы обратить на

- фундаментальную подготовку по филологическим и культурологическим дисциплинам;
- глубокое изучение иностранных языков английского, испанского, китайского и арабского для русских и русского как иностранного для иностранных магистрантов;
- возможность приобрести компетенции международного лидера, овладеть стратегиями и тактиками речевого воздействия на различные социальные группы;
- оптимальные условия для реализации исследовательского потенциала наших магистрантов;
- возможность выбора индивидуальных образовательных траекторий;
- возможность прохождения производственной практики за рубежом;
- участие в программах академической мобильности (Эразмус и др.);
- исследования роли и места PR-технологий в формировании имиджа современных политических лидеров;
- публикации в высокорейтинговых отечественных и зарубежных журналах в области межкультурной коммуникации и связей с общественностью и многое другое.

Актуальность подготовки магистрантов по данной программе объясняется рядом факторов:

1. Кросскультурная коммуникация сегодня стала абсолютной объективной реальностью, вне которой невозможно представить ни одно из существующих государств. И несмотря на то, что исследователи проявляют огромный интерес к феномену кросскультурной коммуникации, в то же время он остается недостаточно изученным в современной научной парадигме. Среди основных причина этого выделяют:

- отсутствие единого понимания термина «кросскультурная коммуникация» в лингвистике, который используется в нескольких значениях, что в свою очередь можно объяснить продолжающимся формированием этого понятия в разных науках;
- принципы функционирования кросскультурной коммуникации, ее главные характеристики и компоненты остаются недостаточно обоснованы, в следствие чего затрудняется ее совершенствование.

2. Решить главные проблемы современного образования в рамках одной науки не представляется возможным, т.к. необходим комплексный, междисциплинарный подход к решению подобного рода вопросов. Как предмет научного исследования кросскультурная коммуникация принадлежит различным школам и направлениям, данное понятие используется в нескольких значениях в различных научных областях [3].

3. Современные культуры не существуют изолированно. Они постоянно находятся в процессе взаимодействия. Одна культура проникает в другую, происходит обмен образами и смыслами. Картины мира разных культур подвергаются внешнему и внутреннему влиянию, что, несомненно, отражается на их содержании. Этот процесс является показателем жизнеспособности любого общества. Представители этого общества находятся в непрерывном взаимодействии с представителями другого общества, другой культуры, а значит готовы делиться своими традициями и обычаями, заставляя эволюционировать свою культуру. Отношения являются кросскультурными, если их участники не только прибегают к собственным традициям, обычаям, представлениям и способам поведения, а знакомятся с чужими правилами и нормами повседневного общения [3]. Кросскультурная коммуникация ориентирована на взаимопроникновение культурно-коммуникативных образов и смыслов, достижение диалога с учетом и сохранением индивидуальных особенностей.

Литература:

1. Недосека О.Н. Понятие «кросскультурная коммуникация» в современном гуманитарном знании / О.Н. Недосека // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология — 2011. — № 4 (7). — С 201-203.

2. Казарина Л.А. Специфика кросскультурных коммуникаций в международных проектах / Л.А. Казарина // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2020. - Т. 9. № 1(30) – С. 139-142.

3. Зак Д.Я., Забара Л.И. Феномен кросс-культурной коммуникации в современном образовательном пространстве / Д.Я. Зак, Л.И. Забара // Теория образования. Педагогическое образование в России. – 2018. - №1 – С. 132-138.

Саакян Л.Н.

СКОРНЕНИЕ КАК ТРОП: К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В современной поэзии троп как основной инструмент семантических преобразований уступает место поэтическим неологизмам синтетического типа – телескопическим скорнениям [Нефедова 2003: 91] разных видов с множественной мотивацией. Компрессия, экспрессия, юмор – вот три кита, на которых основывается современный блендинг. Так, у А. Левина, например, находим выведенного поэтом нового зверя – «приятного мерзайца» (здесь

налицо скорнение мерзавца с зайцем), а также целый рой «серых мышлей» (в одном слове воплощена метафора-сравнение мысли-мышы) [Саакян, Северская 2017: 128].

Скорнения (термин Н.А. Николиной, или, в другой терминологии, «блендинг») построены на контаминации разных слов, при которой стирается прежняя внутренняя форма лексем-доноров и создается новая, часто оценочная. Такие конструкты имеют давнюю поэтическую традицию [Бадаев 2002: 114-115] и восходят к «сдвигам» А. Крученых: злостеболь (злость и боль), брeндень (бред), бредень, дребень 'раздробленный день'), циркорий (цирк и цикорий). Сам Крученых причину сдвигов видит в несовпадении метра с лексическим значением слова, например, Поди-ка ты сюда, где на стыке частицы -ка и местоимения ты в устной речи произносится «коты». Еще одним мастером скорнений можно назвать В. Каменского с его «сплавами»: РыбаКИдали сетИЗлодок – здесь мы видим не только словообразовательный сплав подлежащего и сказуемого, дополнения и определения, но и структуру, напоминающую генитивную метафору, в которой первый член связан со вторым отношением неотторжимой принадлежности. Немало примеров синтетического стяжения смысла у Г. Айги и его последователей в современной поэзии – Н. Азаровой, Т. Грауз, Е. Даенина, Е. Поспелова и др. [Северская 2015]. Бленды используются ими, как правило, в виде вкраплений, соответствующих смысловым сгущениям текста, который в известном смысле становится «реализацией» тропеического потенциала скорнения.

Есть и примеры использования скорнения в качестве конституирующего принципа создания образной структуры текста. Это наиболее заметно в текстах А. Логвиновой, в частности, в ее цикле «Ну, жирафствуй!», где поэт усложняет блендинг эпентезами и двойной деривационной мотивацией, нагружает метафорическими смыслами, превращая метафоры-скорнения в поэтико-игровой стержень стихотворной ироничной саги о прогулке по московским улицам, чувствах, жизненном плавании.

Приведем полный текст стихотворение «Ну, жирафствуй» из одноименного цикла Анны Логвиновой.

Ну, жирафствуй. Я в наш город вернулась.

Я смешная в этой кожаной куртке.

Из-под ног выскакивают кулицы

и вспархивают переутки.

Мы живём в Москве, мы - москиты,

впившиеся в Красную лошадь.

Оставляю все медвери открытыми

и волкна тоже.

Я на зебрах не пишу своё кредо.
Лишь на заячьих листочках капустных.
Мы змеёмся каждую среду,
но зато по четвергам нам мангрустно.
Раньше буйвольски хотелось анархий,
а теперь глаза от кротости узкие.
Расскажи мне про мои щёки хомячьи
на языке кенгурусском.

Кенгурусский язык в этом цикле, на первый взгляд, – простой каламбур, но образ кенгуру выбран неслучайно. Кенгуру – сумчатое млекопитающее, в сумке кенгуру вынашивает, а потом прячет и переносит детенышей. И бленд, указывающий одновременно на предмет и образ сравнения, создает образ «сумчатого» языка, или языка-сумки (по аналогии со «словами-чемоданами»), «словородящего» и «словосберегающего», переносящего слова и смыслы. Точно так же забавное Ну, жирафствуй! не просто «заигрывает» с традиционным здравствуй! Кроме легко визуализируемого образа жирафа, вытягивающего шею как бы в приветствии (или, в зависимости от вектора коммуникации, склоняющего ее к собеседнику), оно содержит и аллюзию к жирафу и жирафке В. Маяковского из детских стихов «Что ни страница – то слон, то львица»: им друг друга «есть [...] за что обнимать». И кенгурусский язык рекурсивно семантизируется как «детский» язык внутри «взрослого».

Так, во фразе «Из-под ног выскакивают кулицы / и вспархивают переутки» скорнение, порождающее метафорическое сравнение улиц с разбегающимися из-под ног курами, ассоциируется с типично детским произношением слова курица, при котором вместо [р] звучит [л]; соответственно, скорнение переутки в этом контексте уже воспринимается как «детская», а не только «поэтическая» этимология. Противопоставление «детского» и «взрослого» касается не только звучания речи, но и письма. Говоря «на зебрах не пишу», лирическая героиня тем самым намекает на «письмо по линейке», которое в свою очередь ассоциируется со школьными прописями (от прописи ‘образцы принятого написания букв; письмо по образцу’). А в подтексте при этом остается написанное «по-взрослому» на заборе, привлекаемое к интерпретации за счет имплицитной паронимической аттракции.

Образы, стоящие за телескопическими скорнениями, опираются и на языковые факты: фонетические, этимологические, семантические.

Чередования звукобукв, возникающие при блендинге, чаще всего мотивируются системными морфонологическими чередованиями: глухого и звонкого, как в жирафствуй vs. *здравствуй или *смеемся vs. змеемся, гласного и нуля звука, как в кораблик vs. краблик и т. п. В том же ряду стоят и

напоминающие детские ошибки бленды с чередованием звукобукв е/и: стрикозы (стрекозы + трико), клеше (клише + клёши, клешни); обизьян (обезьяна + изьян). Болевые мышки – скорее всего, не что иное, как боль в мышцах, что следует из этимологической связи между мышью и мышцами (мышца ‘мускул, от лат. *musculus* «мышь»). Глагол змеяться вбирает в себя как весь комплекс значений смеяться ‘издавать смех // насмеяться, издеваться’, так и семантику существительного змея ‘пресмыкающееся; хитрый, коварный, злой человек’ и прилагательного змеиный ‘присущий змее; злобный, хитрый, лукавый’. А «категории состояния» змеемся противопоставляется другая – мангрустно, подобно тому, как мангуст убивает змей, грусть уничтожает, «проглатывает» смех.

Таким образом, приведенные примеры тропеического скорнения демонстрируют богатейший словообразовательный потенциал русского языка, дающий возможность игры как с внутренней, так и с внешней звуковой формой слова. В разобранных примерах анималистическая метафора выражается нестандартными для русского узуса словообразовательными способами – скорнением, эпентезной гибридной с двойной деривационной мотивацией. При помощи анималистических скорнений с тропеической транспозицией форм и языкового переноса нашей современнице поэту Анне Логвиновой удалось создать в стихах особый, немного странный, с ломкой льдинкой грусти, свой прекрасный мир надежды и любви.

Литература:

1. Саакян Л.Н., Северская О.И. Биномы и голофрастические сращения в поэтической и обыденной речи: системные характеристики и стилистические возможности. *Stylistyka*. 2017. Т. 26. С. 125-138.
2. Бадаев А. Ф. Графические сплавы в русской поэзии XX века как функциональный тип поэтической графики // *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества*. 2002. Т. 8. С. 114-123.
3. Крученых А. 500 новых острот и каламбуров Пушкина. Собрал Крученых. Издание автора. Москва, 1924 г. 72 с.
4. Нефедова Л. А. О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке // *Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2003. № 3. С. 89-97.
5. Николина Н.А. «Скорнение» в современной речи // *Язык как творчество*. М, 1996.
6. Северская О. И. Голофразис и смежные явления // *Основные тенденции развития поэтического языка XX-XXI вв. Языковые уровни и их взаимодействие*. М.: Азбуковник, 2015. С. 189-210.

ДИСКУРС КОНФЛИКТА В МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Развитие технологий, возможность свободно выражать свои мысли, чувства и мнения, анонимность, дистантность, а также возросший интерес к личностному началу в сфере медиакommunikации определило специфику общения в сети Интернет. Переносом особенности общения из реальной жизни в виртуальную, коммуниканты заимствуют и конфликтные установки общения.

В основе любого конфликта лежит некая борьба, столкновение двух и более субъектов социального взаимодействия, причинами конфликта становятся несовместимые потребности, интересы и ценности.

Структуру социального конфликта образуют такие элементы, как субъекты (стороны) конфликта, объект (причина столкновения субъектов), инцидент (формальный повод для перехода в открытую стадию конфликта), мотивация участников; окружающая среда, конфликтная ситуация, предшествующая конфликту (противоречия, возникающие между субъектами по поводу объекта).

Вступая в многочисленные социальные взаимодействия участники медиaprостранства также становятся активными ли пассивными акторами. В погоне за популярностью, которая определяется количеством просмотров того или иного сайта или материала, СМИ или приравненные к ним не только намеренно направляют деятельность на провокацию скандалов, но зачастую становятся активными их участниками.

Мотивация таких конфликтов, как было сказано выше, лежит в сфере экономической выгоды: количество просмотров напрямую влияет на количество и стоимость размещенной на ресурсе рекламы.

Освещение конфликта подразумевает предоставление массовой аудитории сведений о субъектах и предмете конфликта, о предполагаемых или реальных целях и намерениях соперничающих сторон, о реальных и вероятных последствиях конфликтного взаимодействия. А priori СМИ должны придерживаться принципа независимости, неангажированности журналиста, его независимости и объективности и о обеспечении права аудитории знать о происходящем. Но современные реалии убеждают нас, что это уже не соответствует действительности. К сожалению, мотивация каждого журналиста, а освещения или даже провоцировании вполне конкретна: погоня за популярностью или отражение определенной позиции редактора

Негативная модель информационного сопровождения, создание «скандала» направлено на увеличение градуса напряженности конфликтной ситуации. К эскалации конфликта, в частности, приводит использование

журналистами конфликтогенов, под которыми понимают действия одной или нескольких сторон социального противоборства, в том числе слова, жесты, оценки, суждения, способные привести к усугублению конфликтной ситуации, к ее трансформации в реальное конфликтное поведение.

Информационный эскорт разногласия являет собой умышленное или внезапное поднятие в прессе крупных мероприятий спорного конфликта. Нельзя разбивать понятия внезапного поднятия и информационного эскорта, т.к. последнее являет собой наиболее умышленную и целенаправленную причастность СМИ в спорном конфликте. Поднятие конфликта понимается как предоставление общественности данных о сторонах и причинах конфликта, о возможных или действительных стремлениях и задумках противоборствующих граней, о действительных и возможных исходах спорного конфликта. При использовании термина «освещение конфликта» необходимо поставить вопрос об априорной неангажированности журналистского материала, о нахождении одного из непосредственных участников противоборства: обозревателя «над событием», объективности журналистов и о исполнении ими обязанностей представления общественности прав на то, чтобы иметь понятие о событии. Провокация- определенный набор действий, определенный (специально продуманный) стимул, который направлен на то, чтобы вызвать у человека, на которого направленно воздействие, определенную реакцию.

В конфликтологии создает две абсолютно разные по отношению к друг другу модели информационного эскорта спора – положительную (идеальную) и отрицательную (реальную) в отражении информации при помощи СМИ. В своей работе автор сопоставляет положительную модель информационного эскорта с финальным уменьшением конфликта, выделяя тем самым, что в реальности деяния журналиста по поднятию спорной ситуации не всегда могут быть верным исходом, который снижает накал, частоту спорного конфликта. За основу в приведенной модели взяты следующие понятия: отражение действительных проблем, которые вызывают разногласия; реальная оценка степени разногласия; создание действительного образа сторон противостояния; отображение полноценной ретроспективы спора с применением иных ресурсов; правильное и полноценное информирование о спорных мероприятиях; отображение всех действительно возможных инициатив спорных граней и шагов по решению спора; поддержка общественных технологий уменьшения спора. Отрицательная модель информационного эскорта, тем временем, устремлена на рост градуса накала спорной ситуации и представляет собой отображение ненастоящих проблем спора; неверную характеристику стадии спора; формирование неверного образа сторон спора; отображение селективного обозрения противоборства,

исключение использования иных ресурсов; не до конца подлинное информирование о спорных событиях; выборочный показ возможностей, решений и шагов соперников по решению спора; поддержка желаний и действий, направленных на уменьшение противостояния.

В нынешнем взгляде и опыте конфликтологии, кризисных и рискованных взаимодействий распространено высказывание о том, что разногласие в социальных системах должно быть феноменом двойственной природы, которая способна исполнять не только разрушительные, но и созидательные действия. Созидательные, положительные итоги разногласия имеют взаимосвязь с актуальным решением появившейся нестыковки, что по итогу дает возможность системе сохранять своё состояние и переходить на новый этап развития. Также не лишним будет отметить, что такая функциональная двойственность может быть применима и к анализованию деяний СМИ в условиях спорной ситуации. Следовательно, уменьшение средствами массовой информации спорной ситуации не может быть оценено только отрицательно: бывает, что обострение спорной ситуации дает возможность определить настоящие желания сторон, яснее обозначить причины, интересы и состояния соперников, увеличить значимость вопроса, оторвать на неё глаза общественным университетам, которые могут помочь в решении спора. К уменьшению спора, в особенности, приводит применение журналистами действий одного или нескольких противников в социальном противостоянии, или иначе – конфликтогенов, к которым относятся высказывания, жестикюляция, оценочное суждение, и подобные приемы, которые способны привести к осложнению спорной ситуации, к ее превращению в действительное спорное поведение. При описании создаваемых и распространяемых журналистами конфликтогенов, не будет лишним рассмотреть семиотическую парадигму, из чего становится очевидно, что при отображении в СМИ конкретно взятого мероприятия, которое обладает конфликтогенными свойствами, журналист, с одной стороны, может умышленно или случайно манипулировать значениями (концептами), а с другой – может произвести конфликтоген на уровне имени. Как бы то ни было, производя информационный эскорт общественного спора, СМИ создают необычный конфликтологический спор, который обладает параметром неоднородности. Разные виды спорных ситуаций, их размеры и степени, объекты, мотивы и контекст; вид, номенклатура и стремления соперников; а также политика редактирования, функциональные и аудиторные параметры отдельно взятых СМИ – само собой, различаются коммуникативные деятельности, которые используют журналисты для поднятия разногласия. На основании аудиторного свойства правильно будет заострить внимание на обычные и специальные спорные медиа-дискурсы. При этом параметры

«обычный» и «специальный» взаимосвязаны прежде всего с видом публики, к которой обращаются с сообщениями.

В таком исходе образовавшиеся у людей понятия о противостоянии, его причине, сторонах, последствиях, действительных утрат, принятых решениях по его урегулированию, сведения прогнозов о возможных дальнейших действиях и возможных маршрутах урегулирования спорных ситуации инициализируют функции регулирования социального суждения. Есть большое количество нюансов для создания типологий общественных разногласий. В СМИ выводят такие виды разногласий: межличностные, которые происходят между человеком и группой, внутригрупповые, которые происходят между малыми и большими общественными группами, межэтнические и межгосударственные. В зависимости от побуждений спорного противоборства, есть три блока общественных конфликтов на тему: а) раздачи полномочий и положений, б) материальных средств; в) ценностей и стереотипов. Нюансы сферы социальных взаимодействий могут подразделять на политические, экономические, идеологические, юридические, социальные и прочие разногласия. Список нюансов и их распределение можно продолжать, но в нынешней конфликтологии одной из основных тем является наблюдение за процессами влияния друг на друга разных общественных разногласий, столкновение неблагоприятных полей, которые создают динамичную и имеющую персональный вектор развития схемы спорной взаимосвязи, или, если сказать иначе, – сложносоставной конфликт

Проанализирует конфликт Веллер – Бычкова, произошедший 27 апреля 2017 года (суммарно более миллиона просмотров в Интернете).

Описание конфликта в СМИ выглядело так: 68-летний Веллер устроил скандал после того, как ведущая прервала его ответ на вопрос радиослушателя о выборах во Франции, который звучал так: «С какой радости приход к власти нацистки Ле Пен на бюджете Путина спасет Францию?»

Конфликт начался на 10-й минуте программы, когда Веллер произнес: «Ежели ты не читал программы ее партии, ежели ты не читал программы Микрона, ежели ты не знаком с происходящими процессами, то ты дубина и мякинная голова. И в эту мякинную голову пропагандисты вложили готовые мысли».

Бычкова уточнила, что, может быть, задавший этот вопрос читал программы кандидатов, но Веллер отчитал ее: «Будьте любезны меня не перебивать. Это меня сбивает, раздражает и мешает. Вы ведущая или вы спотыкающаяся, затыкающаяся и мешающая? Вы мешаете работать, а не помогаете».

Бычкова выслушала претензию с улыбкой и ответила: «Мы ведем диалог. Я слушаю дальше».

«Это не диалог, это затыкание. Я не нуждался ни в каких репликах. И не задавал никаких вопросов», - возразил писатель.

«Но мы не знаем, читал Федор программу?» - настаивала ведущая.

«Будьте любезны, не изводите меня, потому что лучшее, что вы можете сделать, это меня не перебивать. Я не нуждаюсь в вашей помощи и попрошу не мешать мне. Я повторяю...» - продолжил Веллер, однако Бычкова перебила его вновь: «Я буду задавать вопросы время от времени, извините».

После этого Веллер схватил стоявший на столе микрофон, швырнул его в сторону, затем обеими руками схватил чашку с водой и вылил ее в сторону ведущей, как потом выяснилось, забрызгав очки. Швырнув чашку в сторону, через стол на пол, он вышел из студии со словами: «Скотина тупая! Я тебя больше не знаю».

У участников представления были разные задачи. Веллер пришёл на передачу чтобы озвучить своё мнение (он не был настроен на противостояние, тем более как он признался и в начале эфира и потом в интервью, он хорошо знал журналистку и у них были дружеские отношения), Бычкова – для того чтобы «дискредитировать не совпадающее с мнением редакции мнение Веллера» (версия некоторых журналистов) и, как сугубо личное предположение, спровоцировать скандал, необходимый для поднятия рейтингов как самой ведущей, так и передачи.

Вопрос слушателя («слушателя» – со слов Бычковой) звучал следующим образом: «С какой радости приход к власти нацистки Ле Пен на бюджете Путина спасет Францию?» Этот вопрос, кроме самого вопроса, содержит несколько лживых, с точки зрения Веллера, утверждения, которые он, по его словам, многократно и аргументированно опровергал в разных программах в разных СМИ, в т.ч. на Эхе в «Подумать только...». Такая постановка вопроса сама по себе была провокационной, особенно, когда человек не настроен на противостояние.

Из содержащегося в вопросе утверждения о том, что Ле Пен нацистка, следует, что «слушатель» либо не читал программу Ле Пен, не знаком с ситуацией и делает выводы на пустом месте, либо читал программу, но вообще ничего не понял, либо характеризует людей словами, значение которых не знает. Во всех трёх случаях «слушатель» - «дубина и мякинная голова». Веллер назвал вещи в свойственной ему манере. Следует заметить, что другие персонажи «Особого мнения» допускают высказывания и похлеще.

Ответ Веллера на вопрос был многослойный, имел сложную структуру, а главное - определённую последовательность мыслей, не предполагающую разрыва или каких-либо «вклиниваний». Веллер изложил вводную часть и как только подошёл к сути ответа, Бычкова, не дослушав ответа, его перебила, и сделала это явно умышленно, практически уничтожив его ответ.

Если бы она дослушала ответ до конца, то скорее всего никакие уточняющие вопросы ей бы не понадобились.

Веллер говорил о серьёзных и волнующих его вещах, сильно нервничал, а Бычкова, явно умышленно, надменно улыбалась, всем своим видом пытаясь показать Веллеру, какие смешны (то есть ничтожны) его высказывания (см. есть видео на сайте Эха, когда камер, направлена на ведущую).

Веллер несколько раз просил Бычкову не перебивать его. Бычкова как бы соглашалась, а потом, видя, что собеседник эмоционально нестабилен, опять перебивала (то есть на лицо был «коммуникативный садизм»). Делала она это специально, для того, чтобы спровоцировать его на эмоциональные действия.

У пожилых людей ослабленная нервная система, им намного сложнее выдерживать психологические удары, они более уязвимы. Этим и воспользовалась Бычкова. Веллер позволил себе поддаться эмоциям.

То, что Веллер вообще не контролировал себя, это не правда. Это был в основном осознанный, но излишне эмоциональный бунт против такого издевательского отношения к себе. «Если бы он себя не контролировал, то чашка и микрофон полетели бы не в сторону, а в довольную рожу ведущей», - пишет один из комментаторов новости.

Таким образом, журналистка отработала «как по нотам» все элементы провокации и, как следствие, дискредитации своего гостя и поднятия своего рейтинга в нужное время, в правильной последовательности.

Литература:

1. Савицкая А. С. Средства массовой информации в ситуации конфликтного взаимодействия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена 92/ 2009. С. 85-88

2. Козырев Г. И. Политическая конфликтология: учебное пособие. — М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М. 2008 — 432 с.

Третьякова Л.А.

ВЫПУСК УЧЕБНОЙ ГАЗЕТЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ. ОПЫТ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Само появление многих студенческих изданий приравнивается к дате организации вуза. К примеру, журнал «Студент – рабочий» Уральского государственного университета начал издаваться более ста лет назад, в 1921

году. Учредителем журнала стали орган бюро ячейки РКП(б) и Исполбюро пролетарского студенчества Уральского Государственного Университета, Бюро ячейки РКП(б) Урало-Сибирского Коммунистического Университета, Совпартшкола и Объединение Исполбюро техникумов г. Свердловска. Журнал выходил при постоянном сотрудничестве профессоров, преподавателей и студентов г. Свердловска. То есть на определенном этапе издание Уральского университета объединило все студенческие организации города. Содержание журнала соответствовало духу того времени. Так во втором номере от 15 февраля 1921 года вышли пропагандистские статьи «Топливо и продовольствие» и «Кое-что об интеллигенции».

Здесь же напечатан репортаж под заголовком «Субботник», о том, как студенты разгружали, рубили и складывали дрова. Опубликованы информационные заметки под рубрикой «Из нашей жизни». Так, в заметке «О работе Собеза студсекции Рабфака» отмечается, что «пайком были удовлетворены все студенты (694 чел.) Со снабжением дело обстоит хуже. Теплой одежды были получено 15 полушубков и 85 пимов. Что не удовлетворило и десятой части студентов. Печальное дело с починкой сапог, которая совсем прекратилась. Все подавшие своевременно заявление о неимении электричества получают за февраль по 5 фунтов керосина». Так же были напечатаны отчеты «Работа литературно-художественного кружка», «Студенческая сходка рабфака», стихи студентов.

Издание собственно учебной газеты начинается тогда, когда появляется факультет журналистики. В таком случае к изданию студенческого СМИ приступают не просто университетские активисты, а студенты, профессионально обучающиеся журналистике. Для них издание студенческой газеты или журнала становятся еще и площадкой для оттачивания своего мастерства, учебной газетой.

Так, студенты Свердловского КИЖа (Коммунистический Институт Журналистики) начали выпускать в 1936 году. Называлась газета «Сталинец». Редактором газеты был преподаватель С.П. Сысков. Материалы писали студенты. Газета выпускалась в собственной типографии КИЖа. Позднее, когда КИЖ вошел в структуру Свердловского университета, газета стала университетской, органом партбюро, ректората, ВЛКСМ и профкома. Понятно, что школа журналистики на Урале – одна из самых старых, в этом году мы отметили 86-летие факультета журналистики.

За это время предмет «Выпуск учебной газеты» развивается, меняются требования, условия, компетенции и сама учебная газета. Можно условно выделить несколько этапов развития предмета «Выпуск учебной газеты» в УрФУ:

«КИЖевский период»: период 1936 до 1940 года

«Многотиражная газета»: 50 -90 е годы XIX века.

«Вузовская газета»: 90-е годы по настоящее время.

К практике выпуска учебной газеты на базе многотиражных изданий на заводах пришли в 50-е годы: составлялся договор с парткомом завода о выпуске сщесномера силами студентов факультет журналистики. Редакция студентов под руководством преподавателя приходила на завод, изучалась многотиражная газета, давались напутствия руководителя парткома и редактора. Студенты готовили материалы в формате конкретного заводского издания. Такая практика была полезна. В то время студенты журфака после завершения обучения шли работать в партийные издания.

«Вузовский период» развития учебной газеты начинается сразу после завершения советской истории нашего государства: многотиражные газеты закрывались, производства останавливались. Факультеты журналистики, к тому времени уже получив современное оборудование, начинают менять формат учебных газет. Кураторы вместе со студентами самостоятельно определяют тему выпуска, чаще всего не обращая внимание на аудиторию, занимаются в основном творческой самореализацией. Примеры тем газет того времени: «Ночь на вокзале», «Что такое любовь», «Уйти от одиночества». Предмет «Выпуск учебной газеты» теряет свою значимость, утрачивая главную свою цель.

На современном этапе происходит трансформация предмета. Сегодня он называется «Выпуск учебных медиа». Выпуск учебной газеты сопровождается размещением материалов в сетях, выпуском подкастов, подготовкой лонгридов. Учебная газета факультета журналистики УрФУ становится сегодня постоянно действующим медиацентром. Газета «Журналист» -это периодическое издание, которое выходит два раза в месяц. Выпускают ее студенты 1 и 2 курсов. Руководит медиацентром преподаватель. Редактор каждого выпуска -студент, которого выбирает группа. Аудитория газеты – студенты и преподаватели факультета журналистики. Мы становимся свидетелями изменения предмета, который не утрачивает свою важность, оставляя главной целью – профессиональную подготовку студентов.

Ширяева О.В.

РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Основная цель настоящего исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать научно-исследовательскую компетенцию как важнейшую

категорию педагогики высшей школы, определить, какое место она занимает в контексте актуальных концепций современного образования, охарактеризовать позицию преподавателя, а также его роль и функции в формировании и развитии этой важнейшей профессиональной компетенции. Объектом исследования является научно-исследовательская компетенция обучающихся, предметом – процесс формирования, актуализации и развития научно-исследовательской компетенции студентов, проходящих обучение по разным специальностям направления «Филология». В настоящем исследовании были использованы как теоретические, так и эмпирические методы исследования. Теоретические методы включают в себя изучение, анализ, синтез и первичное обобщение научной литературы, посвященной вопросам педагогики (в том числе и педагогики высшей школы) и лингводидактики. Эмпирические методы – это непосредственное наблюдение за научно-исследовательской деятельностью учащихся бакалавриата и магистратуры (в том числе и инофонов) в процессе научного руководства выпускными квалификационными работами студентов, а также их индивидуальными научными проектами, анализ продуктов научно-исследовательской деятельности студентов, индивидуальные беседы с ними.

Принципы развития научно-исследовательской компетенции формулируются в контексте компетентного подхода, который, по мнению исследователей, «наиболее точно отражает суть модернизационных процессов в сфере образования» [Федотова 2010, с. 3]. Эти процессы основываются на обращении к личности обучающегося и последовательном учете таких его качеств, как самостоятельность, творческая инициатива, мобильность, креативность, а сам компетентный подход реализуется за счет создания образовательного контекста, располагающего необходимыми условиями для личностного роста обучающегося, его саморазвития и самореализации [там же]. Для формирования и актуализации научно-исследовательской компетенции необходимым условием является смещение фокуса внимания педагога с фиксированного, готового знания на поисковую деятельность обучающегося, его инициативу и собственные усилия, нацеленные на получение нового знания. Готовое знание перестает быть основной ценностью, уступая место комплексу умений и навыков деятельностного характера. Именно компетентный подход в современном образовании позволяет нам уделять особое внимание научно-исследовательской работе обучающихся. Необходимо также понимать, что ориентация на научно-исследовательскую работу позволяет развивать у учащихся такие личностные компетенции, как способность к анализу и обобщению, креативный подход к решению задач разного рода, выявление системных связей и взаимозависимостей объективной реальности,

критическое мышление, т.е. те качества, которые могут быть полезны будущему специалисту, какой бы вид профессиональной деятельности он ни выбрал после окончания университета. Приоритетный фокус внимания на научных исследованиях (в большей степени – на фундаментальных, в меньшей – на прикладных) позволяет выйти на в целом более высокий уровень специалистов.

Научно-исследовательская компетенция как формируемая способность находится в непосредственной связи с исследовательской компетентностью как с развиваемым личностным качеством обучающегося. Н.А. Федотова определяет последнюю «как интегративное личностное качество, которое проявляется в осознанной готовности и способности учащегося заниматься учебным исследованием» [Федотова 2010, с. 8]. Исследователь выделяет в структуре этой компетентности следующие компоненты:

1. мотивационный (система отношений мотивационного и аксиологического характера, тесно связанная с эмоционально-волевой составляющей личности обучающегося);

2. когнитивный (система уже сформированных знаний, на базе которой может осуществляться исследовательская деятельность);

3. процессуальный (ранее сформированные навыки и умения обучающихся);

4. рефлексивный (способность учащихся осознавать себя в качестве субъекта научно-исследовательской деятельности) [Федотова 2010, с. 8].

На наш взгляд, рассматривая задачу формирования и развития научно-исследовательской компетенции в условиях высшей школы, мы должны также учитывать и этический компонент исследовательской компетентности, который включает в себя осознание будущим специалистом своей ответственности перед научным сообществом, научной традицией и объектом исследования, что особенно актуально в случае дисциплин социогуманитарного цикла, предметная область которых предельно антропоцентрична. Немаловажно в данном случае и формирование представлений о допустимости использования предыдущего научного опыта, правомерности применения уже созданных разработок, необходимости цитирования в соответствии с существующими правилами и должного оформления ссылок на предшествующие работы.

Важнейшим условием развития научно-исследовательской компетенции является учебно-исследовательская деятельность [Федотова 2010, с. 3], под которой традиционно понимается деятельность учащихся, организуемая преподавателем посредством дидактических средств косвенного и перспективного управления и нацеленная на поиск закономерных связей и отношений, а также их объяснений и доказательств (В.И. Андреев

1981). В зависимости от специфики изучаемой дисциплины подобная деятельность обучающегося проводится либо на основе явлений, наблюдаемых в ходе эксперимента, либо на базе теоретического анализа, при этом принципиальное значение имеет ее самостоятельность. Самостоятельное использование научных методов познания должно доминировать, только в этом случае обучающиеся не просто овладевают знаниями, но и формируют свои собственные исследовательские навыки, необходимые для дальнейшей профессиональной деятельности. Большинство исследователей (А.В. Леонтович, М.В. Степанова, Е.В. Феськова и многие другие) характеризуют учебно-исследовательскую деятельность именно как интерактивную технологию обучения, т.е. предполагающую взаимодействие различных объектов и субъектов педагогического процесса, а также наличие обратной связи. В этом случае педагог выполняет в первую очередь организационную функцию, создавая условия для самостоятельной деятельности учащегося, предоставляя доступ к необходимым источникам материала для исследования, а также необходимую информацию о его методах, а также формулируя его цели и задачи. Основным носителем деятельностного начала в процессе применения подобной технологии является сам обучающийся, преподаватель же занимает место наблюдателя и организатора, однако он должен быть готов к тому, чтобы в нужный момент внести корректировки (как в виде промежуточной оценки, так и в виде уточняющих вопросов), а также предоставить ученику необходимую опору в виде дополнительной информации, плана исследовательской работы и т.д. При этом исследователи отмечают, что на разных этапах работы характер деятельности педагога будет различаться, так как он зависит от следующих факторов:

- уровень подготовленности студента, а также уровень его притязаний;
- познавательная мотивация обучающегося;
- актуальность, научная новизна и потенциальная сложность разработки темы исследования [Гончарук, Сагдеева 2013, с. 316].

Н.П. Гончарук и Г.С. Сагдеева считают, что на уровне высшей школы опора (или, как они это формулируют, «ориентир»), предоставляемая преподавателем, может состоять в поиске необходимой научной литературы, помощи в подборе источников эмпирического материала, а также в оформлении конечного продукта научно-исследовательской деятельности обучающегося (выпускной квалификационной работы, тезисов доклада на конференции, научной статьи, презентации) [Гончарук, Сагдеева 2013, с. 316].

Такой нестандартный подход к процессу обучения предполагает применение инновационных технологий. По мнению Н.А. Федотовой,

технология развития научно-исследовательской компетенции в обязательном порядке включает в себя следующие блоки:

1. концептуальный (смысловой базис технологии: гуманистическая и антропоцентрическая направленность обучения, проблемный и личностный подходы, установка на создание креативной образовательной среды и творческого учебного пространства);

2. целевой (цели и задачи технологии);

3. содержательный (объем педагогического сопровождения процесса формирования компетенции, нормативные документы, регулирующие требования к поставленным перед обучающимися задачам);

4. процессуальный (конкретные формы, методы, этапы процесса развития научно-исследовательской компетенции);

5. диагностический (методика отслеживания динамики развития научно-исследовательской компетенции, диагностические процедуры, показатели, критерии и т.д.) [Федотова 2010, с. 9].

Применение технологии будет наиболее эффективным лишь в случае учета тех трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся в процессе научно-исследовательской деятельности. С целью их выявления исследователями проводится анкетирование учащихся [Гончарук, Сагдеева 2013, с. 316]. Обратимся к результатам проведенного анкетирования среди студентов инженерных специальностей, представленным в работе Н.П. Гончарук и С.Г. Сагдеевой. Большинство опрошенных учащихся (85 %) признает эффективность научно-исследовательской работы, однако только 17% информантов успешно назвали виды занятий, предполагающие деятельность научно-исследовательского характера, перечислили знания и умения, необходимые для успешного проведения научно-исследовательской работы, а также охарактеризовали ее содержание и этапы. Среди наиболее серьезных трудностей, с которыми приходится сталкиваться в процессе исследовательской деятельности, студентами были названы следующие:

– неумение видеть проблему исследования (83%);

– сложности в формулировке целей и задач исследования (56%);

– затруднения в составлении плана работы и распределении времени (70,8 %);

– сложности в работе с информацией (поиск, навыки работы с электронными базами данных, неумение выделять главное в отобранном материале, разграничивать основную и дополнительную информацию) (73%);

– неуверенность в себе и страх перед выступлением (92%) [Гончарук, Сагдеева 2013, с. 316].

С помощью этого исследования ученые доказывают, что в процессе деятельности, направленной на развитие научно-исследовательской

компетенции, обучающиеся сталкиваются не только с познавательными, но и так называемыми «метапознавательными» затруднениями, «трудностями самоуправления» (там же), которые возникают в тот момент, когда студент должен сформулировать тему исследования (название доклада или научной статьи), выделить задачи предстоящей работы и определить последовательность их выполнения, оценить полученные результаты. Однако последовательное преодоление этих затруднений в конечном итоге и способствует формированию профессиональной компетенции. Эти сложности создают сильный стресс для обучающихся, преодоление которого способствует личностному и профессиональному развитию.

Согласно нашим наблюдениям, опыт студентов-филологов значительно отличается от научно-исследовательских практик обучающихся на инженерных специальностях. Ко всем выделенным коллегами затруднениям в данном случае необходимо добавить следующие сложности:

- отсутствие сформированного навыка применения собственно лингвистических методов исследования (семантического, словообразовательного, контекстуального анализа, дискурсивного анализа и т.д.);

- затруднения при отборе эмпирического материала для комплексного лингвистического анализа, несформированность навыка видеть предмет исследования и вычленять его из речевого потока;

- сложность в адекватном использовании терминологии и следовании определенной научно-исследовательской парадигме;

- трудности в создании логичной структуры научного текста значительного объема, соблюдение соответствия основного текста поставленным целям и задачам.

Как нам кажется, все эти сложности связаны с собственно научными факторами, они обусловлены сложностью и разнородностью лингвистического знания, разнообразием научных подходов, сменой научных парадигм, характеризующейся переходом от исследований языка как системно-структурного образования к изучению живой речевой деятельности человека в различных коммуникативных ситуациях, но, самое главное, сложностью самого предмета исследования – языкового кода, характеризующегося невероятным многообразием.

Преодоление этих затруднений возможно только при личностно-ориентированном индивидуальном подходе, при котором каждая педагогическая ситуация будет рассматриваться как нечто уникальное. В таких ситуациях характер взаимодействия между субъектами и объектами педагогической деятельности (обучающимся, преподавателем, языковой материей, навыками исследовательской деятельности, ее принципами и

актуальными методами) всегда индивидуален. Наряду с традиционными методами планирования и организации научно-исследовательской деятельности, исследователями предлагаются и инновационные приемы. Одним из них является прием составления ментальных карт или, как их называют некоторые методисты, интеллект-карт (Гончарук и 2010, с. 317). Так, согласно методике, предложенной Н.П. Гончарук и С.Г. Сагдеевой, на начальном этапе работы создается интеллект-карта, которая в дальнейшем постепенно расширяется за счет новых закономерностей, связей, ассоциаций и направлений исследовательской деятельности, также она может дополняться целями и задачами, трансформироваться и детализироваться за счет того, что обучающимся выделяются главные и второстепенные цели. В эту карту студент вносит изменения, в конце работы проводится рефлексия и обобщение всего созданного. Этот прием помогает осознать и наглядно представить не только результат научно-исследовательской деятельности, но и сам процесс, побуждает как к текущей, так и к итоговой рефлексии, демонстрирует методологический каркас исследовательской деятельности, позволяет взглянуть на интеллектуальный труд со стороны, как бы отвлекаясь от него. Это детальное и осмысленное планирование действий, которое осуществляется студентом самостоятельно, но при этом может контролироваться и при необходимости направляться преподавателем. В процессе работы интеллект-карта (или ментальная карта) выполняет функцию опоры, причем, что важно, эта опора создается самим обучающимся.

В случае развития научно-исследовательской компетенции у иностранных учащихся появляется целый ряд дополнительных трудностей, обусловленных объективной сложностью и недостаточной освоенностью языкового кода, который одновременно является и целевым языком изучения (русский как иностранный для инофонов, обучающихся по направлению «Филология»), и объектом исследования, и метаязыком научного описания. При этом такое разграничение носит условный характер, поскольку для каждого конкретного студента-иностранца это один и тот же язык. В данном случае представляется необходимым создание дополнительных материалов, которые смогут выполнять функцию опоры для иностранца, занимающегося научно-исследовательской деятельностью. Составление глоссариев поможет компенсировать нехватку лексических единиц. Освоение терминологической лексики, как правило, вызывает наибольшие затруднения у иностранных учащихся. Существующие курсы языка специальности, научного стиля речи и иностранного языка в сфере профессиональной коммуникации обычно ориентированы на усвоение общенаучной лексики и общей терминологии конкретной дисциплины без конкретной специализации. Составление разделенных на тематические группы глоссариев поможет компенсировать

этот недостаток и при этом усилит метаязыковую рефлексию студента. Обращение к национальному корпусу русского языка поможет увидеть контексты употребления необходимых терминологических единиц и детализировать их лексическую семантику и особенности сочетаемости. В этом случае преподаватель может познакомить студента с принципами составления подобных глоссариев, а также научить работать с необходимыми ресурсами и электронными базами данных.

В заключение считаем необходимым отметить, что развитие научно-исследовательской компетенции непосредственно связано с развитием творческого начала личности. Эффективная работа в этом направлении требует оригинальных нестандартных решений и уникальных подходов в каждом конкретном случае.

Литература:

1. Андреев В.И. Эвристическое программирование учебно-исследовательской деятельности. М.: Высшая школа, 1981. – 240 с.
2. Гончарук Н.П., Сагдеева Г.С. Формирование научно-исследовательской компетенции будущих специалистов // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 3. с. 315 – 320.
3. Федотова Н.А. Развитие исследовательской компетентности старшеклассников в условиях профильного обучения: автореф. дисс....канд.педагог.н. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2010 – 24 с.

III. ТЕЗИСЫ СЕКЦИОННЫХ ДОКЛАДОВ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Аношина Я.В.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Проблема коммуникации – одна из основных в современной лингвистике. Исследованием специфики человеческого общения занимаются различные отрасли науки о языке: психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, теория коммуникации, риторика и другие. Несмотря на различные подходы, базовым понятием, разрабатываемым перечисленными дисциплинами, является понятие «коммуникативная личность».

Цель данной работы состоит в том, чтобы определить теоретическое наполнение указанного понятия в художественном дискурсе. С достижением цели связано выполнение следующих задач: во-первых, разграничить понятия «коммуникативная личность» и «языковая личность»; во-вторых, определить структуру и аспекты коммуникативной личности в литературном произведении; в-третьих, выделить типы коммуникативных личностей в художественном тексте. В качестве материала исследования использовался роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В процессе работы были применены следующие методы. Описательный метод, с помощью которого даётся характеристика коммуникативной личности как базового понятия исследования. Сопоставительный метод потребовался для установления сходств и различий между понятием «коммуникативная личность» и смежными понятиями. Метод классификации позволил выделить составляющие компоненты коммуникативной личности. Благодаря методу обобщения удалось установить закономерности в использовании коммуникативных стратегий и тактик конкретными героями.

На наш взгляд, понятие «языковая личность» гораздо шире понятия «коммуникативная личность». Данной точки зрения придерживаются С.Г. Воркачёв, В.В. Соколова, С.С. Галстян, которые отмечают, что «языковая личность предстаёт в четырёх ипостасях – мыслительной, языковой, речевой, коммуникативной и трактуется как “суперкатегория”» [1, с. 15]. Этот тезис подтверждается при лингвистическом анализе художественного произведения, когда необходимо рассмотреть особенности речевого поведения героя. Так, Т.А. Давлетова отмечает, что языковая личность литературного героя может определяться как корреляция произведенных данным лицом текстов и «фрагментов авторского повествования, которые характеризуют речевую

манеру персонажа» [2, с. 12], тогда коммуникативная личность – это лишь одно из проявлений конкретной персоны, проявляющееся в сложном сочетании стратегий и тактик общения. При этом очевидно, что коммуникативная личность героя в художественном тексте подчинена авторскому замыслу.

Ранее нами уже рассматривались конструктивные, деструктивные и конформистские типы коммуникативной личности в булгаковском романе [3]. Первый вид ярче всего проявляется в речевом жанре просьбы. Например, «Ради бога, не мучьте его! – вдруг, покрывая гам, прозвучал из ложи женский голос <...> – Так что же, граждане, простить его, что ли? – спросил Фагот, обращаясь к залу. – Простить! Простить!»

Противоположна ей деструктивная коммуникативная личность, целью которой является нанесение морального или физического вреда своему оппоненту. Подчеркнём, что условия прямого деструктивного общения представляют собой эмоционально-напряжённые речевые конфликты, и отбор стратегий зависит от статусно-ролевого действия коммуникантов. Показательными являются как вербальные, так и невербальные компоненты: «“Он не отбрасывает тени!” – отчаянно мысленно вскричал Римский. Его ударила дрожь. – Догадался, проклятый! Всегда был смышлен, – злобно ухмыльнувшись совершенно в лицо финдиректору, проговорил Варенуха. – Помогите... Скрюченными пальцами он махал в сторону Римского, шипел и чмокал, подмигивая девице в окне». Данный пример содержит различные языковые средства отражения эмоций: инвективу (Проклятый!), описание невербальных компонентов (ударила дрожь, злобно ухмыльнувшись), лексемы, указывающие на прямую угрозу (махал в сторону Римского, шипел и чмокал).

Конформистская коммуникативная личность использует при коммуникации речевые стратегии, не предполагающие дальнейшего развития конфликта. Она коммуникативно пассивна, склонна к уступкам и соглашениям с мнением оппонента: «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич. – Именно, именно, ему там самое место!»; «– Убить упрямую тварь, – шепнул Азazelло. – Да, сдаюсь, – сказал кот». Конформистская коммуникативная личность зачастую проявляется в речи таких персонажей как Коровьев и Бегемот. Им как прислужникам Воланда присущи выдержка и самообладание для достижения поставленной цели.

Итак, в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» можно выделить три ключевых коммуникативных типа с присущими им наборами речевых тактик и стратегий: конструктивная (куртуазная, или изысканно-вежливая

стратегия), деструктивная (инвективная стратегия) и конформистская (для данного романа наиболее распространена стратегия «речевой маски»).

В коммуникативном поведении булгаковских героев можно выделить основные стратегии, применяемые в общении для достижения конкретных целей. Так, например, давление как стратегия применяется для отвлечения внимания окружающих: «Граждане! – вибрирующим тонким голосом прокричал он, – что же это делается? Ась? Позвольте вас об этом спросить! Бедный человек, – Коровьев подпустил дрожи в свой голос и указал на Бегемота, немедленно скроившего плаксивую физиономию, – бедный человек целый день починает примуса; он проголодался... а откуда же ему взять валюту?»

Этот пример демонстрирует реализацию стратегии на нескольких уровнях: на вербальном уровне при помощи обращения к массе, на невербальном уровне – при помощи изменения интонации, которая воздействует на собеседника должным образом.

Наиболее распространённой коммуникативной стратегией в романе М.А. Булгакова является стратегия порицания. Она представлена различными тактиками. Во-первых, это обида как тактика: «– Вот спасибо за такие поручения! – обидевшись, воскликнул рыжий». Во-вторых, тактика проклятия: «– Так пропадите же вы пропадом с вашей обгоревшей тетрадкой и сушёной розой!». В-третьих, широко реализуется тактика брани: «– Король на клетке г-два, – не глядя на доску, сказал Воланд. Мессир, я в ужасе, – завыл кот, изображая ужас на своей морде, – на этой клетке нет короля <...> – Ах ты подлец, – задумчиво сказал Воланд <...> Ты сдаёшься или нет? – прокричал страшным голосом Воланд. – Сдаюсь».

Таким образом, в романе М.А. Булгакова представлены различные типы коммуникативных личностей. Многообразие их словесно-речевой организации, пластичность их коммуникативных тактик и стратегий образует сложное художественное целое – жанр романа. В дальнейшем целесообразно типологизировать коммуникативные личности героев и объединить их в группы.

Литература:

1. Арискина О.Л. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию / О.Л. Арискина, Е.А. Дрянгина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25 (240). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 58. – С. 15–18.
2. Давлетова Т.А. Персонаж художественного произведения как языковая личность / Т.А. Давлетова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 2. – с. 11–14.

3. Аношина Я.В. Деструктивная коммуникативная личность в художественном тексте [Электронный ресурс] / Я.В. Аношина // Материалы Международного молодёжного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. – М.: МАКС Пресс, 2022.

Винтоняк М.И.

**ПРИЁМ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Т.Н. ТОЛСТОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ...»,
«ЛЮБИШЬ – НЕ ЛЮБИШЬ», «СВИДАНИЕ С ПТИЦЕЙ»)**

В истории литературы рубежа XX – XXI веков литературоведы выделяют такие направления и течения, как постмодернизм, постреализм, постпостмодернизм, экзистенциализм и др. Основным, по мнению литературоведов, является постмодернизм.

В литературе постмодернизма есть черты, которые позволяют легко отличить произведения этого направления от многих других. В первую очередь, это интертекстуальность, которая проявляется в использовании в тексте произведения других текстов. Французская исследовательница литературы и языка Ю. Кристева объясняет эту черту так: «Всякое слово (текст) есть... пересечение других слов (текстов)», «диалог различных видов письма» [5:450].

Интертекстуальность – это организованное автором проникновение фрагментов каких-либо текстов в художественный текст, благодаря чему происходит расширение смыслового пространства данного текста.

В современной литературе в этом направлении работают самые разные писатели. Одним из таких писателей является Т. Толстая.

Творчество Татьяны Толстой оригинально и обладает всеми особенностями постмодернистской литературы: фрагментарностью, элементами игры, постмодернистским коллажем и, безусловно, интертекстуальностью.

Произведения Т. Толстой исследованы довольно обширно, в том числе и в контексте постмодернизма. Однако такой особенности постмодернизма, как интертекстуальность, на наш взгляд, критики уделили недостаточное внимание. Этим и обусловлена актуальность темы данного исследования.

Целью исследования стал анализ рассказов Т. Толстой, выявление особенности использования автором приема интертекстуальности, а также определение роли этого приема в раскрытии авторского замысла.

Термин «интертекстуальность» впервые был употреблен французской исследовательницей болгарского происхождения Юлией Кристевой, которая в своих исследованиях этого феномена руководствовалась концепцией русского литературоведа М.М. Бахтина, ставшей основой возникновения теории интертекстуальности.

На формирование идеи интертекстуальности у Ю. Кристевой повлияла и работа французского философа и литературоведа Р. Барта «Смерть автора», который также утверждал, что деятельность писателя заключается не в создании новых текстов, а в непрерывном переписывании уже «ранее созданных», существующих. Утверждая, что «текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [1:387], Р. Барт приходит к выводу, что тексты обязаны своим появлением не писателю, а феномену интертекстуальности.

Какие же функции выполняет прием интертекстуальности в художественном тексте? В исследованиях встречаются различные трактовки функций интертекста. По мнению Ю.С. Башкатовой, например, основной функцией интертекстуальных включений является создание диалектической межтекстовой связи [3:12]. В своем описании функций интертекста исследователь выделяет «текстопорождающую функцию, апеллятивную функцию, референтивную функцию передачи информации о внешнем мире, экспрессивную функцию, поэтическую функцию» [3:13].

Рассказ «На золотом крыльце сидели...» – это первый рассказ Татьяны Толстой, написанный ею в 1983 году. Название рассказа – «На золотом крыльце сидели...» – служит ему одновременно и эпиграфом. Интертекстуальная связь проявляется уже в самом названии рассказа – первая строчка известной всем считалки.

Интертекст заметен и в тексте, начиная с самого первого предложения: «В начале был сад» [4:40]. Это и отсылка писателя к собственному детству, и к эпохе библейского зарождения мира. Главная мысль автора, что путь в будущее лежит непосредственно через детство. Толстая, изображая райский сад детства, неоднократно отсылает к библейской легенде создания Земли, при этом не нарушает последовательности, в которой мир и человека творил Бог.

Когда автор описывает восприятие ребенком соседки, упоминается пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке»:

Вероника Викентьевна – Царица!
Это самая жадная женщина на свете!
Наливают ей заморские вина,
Заедает она пряником печатным,
Вкруг ее стоит грозная стража... [4:41-42]

История с яйцом, которое было продано маме героини с условием его съесть, – это очередная отсылка писателя к Библии. Яйцо в этой истории выступает в роли яблока раздора. Ссора мамы героини с соседкой находит отражение в мифе о троянской войне.

Талант индивидуального стиля Татьяны Толстой его в его особой природе, в умении открывать неявную, но сущностную сторону реальности, в умении приблизиться к видению мира, которое свойственно только ребенку. И в этом большую помощь ей оказывает прием интертекстуальности. На протяжении всего рассказа она связывает повествование с библейскими историями, арабскими сказками, сказками Оскара Уайльда и другими.

Рассказ Т. Толстой «Любишь – не любишь» входит в сборник рассказов «Ночь», стержневой проблемой которого является мысль о драматическом разрыве мечты и действительности. Весь рассказ «Любишь – не любишь» пронизан цитатами, аллюзиями и реминисценциями, которые образуют смысловые комплексы, связанные друг с другом.

И в этом произведении для заглавия автор берет цитату из считалки-гадалки «Любишь – не любишь...».

Раскрытие интертекста можно увидеть в произведении за счет мифологических и сказочных образов, которые возникают в сознании ребенка. Вот, например, как она оценивает враждебный для нее мир: «Днем Змея нет, а к ночи он спускается из сумеречного вещества и тихо-тихо ждет: кто посмеет свесить ногу?.. Комнату сторожат и другие породы вечерних существ: ломкий и полупрозрачный Сухой, слабый, но страшный, стоит всю ночь напролет в стенном шкафу, а утром уйдет в щели. За отставшими обоями – Индрик и Хиздрик...» [2:24]. Эти фольклорные образы – лишь первый «слой» интертекста в рассказе.

С няней Грушей связаны цитаты из произведений Пушкина и Лермонтова, которые ребенок в своем детском сознании преломляет и преобразует в фольклорные образы. Например, «любимая няня» поет:

По камням струится Терек,
Плещет мутный ва-а-а-ал...
Злой чечен ползет на берег,
То-очит свой кинжа-а-а-ал...

Это строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня».

Это про няню Грушу, уверена героиня, писал Пушкин: «Голубка дряхлая моя!» А про Марьиванну он ничего не сочинил. А если бы и сочинил, то так: «Свиношка толстая моя!» [2:22].

Текст включает в себя несколько лирических произведений, полные отсылок. Так, например, стихотворение «Няня, кто так громко вскрикнул, за

окошком промелькнул...» соотносится с романтическими балладами и детскими «страшными» стихами, кроме того, оно отсылает читателя и к конкретным текстам – «Лесному царю» Гёте и «Лихорадке» Фета.

Рассказ «Свидание с птицей» – это еще одно произведение, в котором писатель раскрывает тему столкновения мечты и реальности.

Рассказ назван «Свидание с птицей». Первое знакомство с названием произведения наталкивает на мысль о «Синей птице» Метерлинка, птице счастья, которая несет радость и добро. У Толстой птица не синяя, а черная, которая является символом злой и подлой «правды» жизни. Рассказ выстроен так, что к встрече с Сирином читателя готовят с самого начала.

В рассказе есть еще два образа птиц. Во-первых, это птица Финист, вторых, Алконост. Птица Алконост сносит одно яйцо и очень редко. Кто такое яйцо найдет, на всю жизнь затоскует о несбыточном.

В произведении есть и другой образ птицы: главный герой наталкивается на мертвую ворону. «Дохлая ворона», которую трудно «объехать на велосипеде» – это символ мира жестокости и грубости, а также предвещение смерти [2:100].

Использование приема интертекстуальности в творчестве Т. Толстой не ограничивается только формированием текстового смысла, он используется достаточно широко: и для цитирования, для пародирования сюжетов, в качестве явной и завуалированной реминисценции. Рассказ «Свидание с птицей» – это еще одно произведение, в котором писатель раскрывает одну из своих ключевых тем – столкновение мечты и реальности.

Чаще всего Толстая прибегает к сказочному и мифологическому интертексту, «демонстративная сказочность» как черта поэтики заметна в рассказах «Любишь – не любишь», «На золотом крыльце сидели», «Свидание с птицей». Автору удается, прибегая к интертексту, раскрыть в полной мере свой замысел.

Литература:

1. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – С. 384-391.
2. Толстая Т. Любишь-не любишь: [Рассказы] / Татьяна Толстая; [Вступ. ст. В. Новикова]. – М.: Оникс: ОЛМА-пресс, 1997. – 381 с.
3. Башкатова Ю. А. Лингвистические особенности описаний портрета в интертекстуальном аспекте: На материале английской литературы XVIII-XX веков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Барнаул. гос. пед. ун-т. - Барнаул, 2003. – 17 с.
4. Толстая Т. На золотом крыльце сидели: Рассказы. М.: Молодая гвардия, 1987. – 189 с.

5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман//Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427-457.

Гончарова Т.Ю., Ширяева О.В.

СОВРЕМЕННАЯ ВИДЕОРЕКЛАМА В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В настоящее время реклама является неотъемлемой частью не только делового общения и бизнес-коммуникаций, но и нашей повседневной жизни, выступая в качестве канала познавательной и интеллектуальной связи. Рекламный текст в силу своей целевой обусловленности и специфики вербального оформления занимает особое место в информационном потоке. Эти выразительные, привлекающие внимания реципиента и характеризующиеся сравнительно небольшим объемом речевые произведения могут быть использованы в лингводидактических целях. По этой причине актуальность использования рекламы в качестве средства обучения русскому языку как иностранному не вызывает сомнений. Поскольку рекламные тексты являются краткими, достаточно простыми и сопровождаются визуальным и звуковым рядом, они могут использоваться в качестве иллюстративного материала и помогать обучающимся лучше усваивать изучаемый лексический и грамматический материал, а также навыки восприятия на слух.

На данный момент существует целое множество каналов распространения рекламы, которая становится значимой составляющей коммуникативной среды инофонов. Стоит отметить и явное сходство отображаемых в рекламе коммуникативных ситуаций с теми, которые моделируются во время учебного процесса. Благодаря этому, обращая во время аудиторных занятий внимание иностранных студентов на вербальную составляющую визуальной рекламы, мы можем способствовать увеличению интереса к изучению русского языка и за пределами учебной аудитории.

Также не стоит забывать и о национально-культурных факторах, которые нередко актуализируются при создании рекламы. Например, в рекламных текстах часто встречаются фразеологизмы, формулы речевого этикета, прецедентные тексты и национально-культурные стереотипы, что способствуют знакомству иностранных студентов с традиционными и культурными аспектами жизни в России.

Обычно рекламные тексты состоят не более чем из десяти предложений, при этом в них формируется целостность и коммуникативная завершенность представленной ситуации. Видеоряд же позволяет реципиенту соотносить собственно вербальный текст с действиями, происходящими на экране, что способствует лучшему усвоению предложенной информации. Звуковой ряд помогает не только усвоить на слух, как правильно произносить слова, но и участвует в создании ассоциативного ряда. Особое значение здесь может иметь музыкальное сопровождение видеоролика. Запоминающаяся мелодия положительно влияет на усвоение материала.

Основными преимуществами рекламы, носящими лингвометодический характер, являются её простота, доступность и лаконичность, а также то, что она обладает эффектом воздействия, имеет лингвострановедческий потенциал и может способствовать созданию и закреплению позитивного имиджа России и товаров российского производства, а это формирует положительное отношение обучающихся к культуре и истории страны изучаемого языка, а также развивает у инофонов способности удовлетворять основные коммуникативные потребности социально-бытового и социально-культурного характера [1, с. 128].

Реклама является «живым» инструментом передачи информации, поскольку ее смысловое содержание и вербальное оформление тесно связано с реалиями нынешнего времени, конкретный ролик может быть приурочен ко времени года, календарному празднику или актуальным событиям. В качестве иллюстрации мы рассматриваем серию рекламных роликов службы такси Ситимобил, которые выходили перед началом и во время дачного сезона 2020 – 2021 гг. и имели такой слоган: За город со скидкой!

В этой серии видео роликов демонстрируются типичные ситуации, происходящие в общественном транспорте в тот период, когда становится теплее и большое количество людей едет за город на дачу или на отдых. Так, в одном из сюжетов молодая пара в пляжной одежде с надувными кругами выходит из общественного транспорта не на той остановке. Возможно, они увлеклись разговором друг с другом или просмотром сайтов на своих мобильных телефонах и поэтому проехали свою остановку и вышли в промзоне. Многие сталкивались с такой ситуацией или слышали о ней, поэтому понимают, что молодой паре придется ждать следующий автобус или долго идти пешком по жаре до места назначения, вызвать же такси в эту точку может быть проблематичным ввиду времени ожидания или плохой интернет-связи за городом. В самом начале ролика мы видим старый автобус, в котором неудобно ехать на дальние расстояния из-за некомфортных сидений или отсутствия свободных, а также отсутствия кондиционера. Крупным планом показаны грустные лица персонажей, и мы слышим и видим следующую

фразу: Проехать остановку и вместо зоны отдыха оказаться в промзоне? Вербальная составляющая помогает адресату понять происходящую ситуацию. Потом мы слышим и видим еще одно высказывание: Себе дороже. Это фразеологизм, который обозначает, что что-то не стоит, не оправдывает огромных усилий, напряжения. Эта фраза подсказывает возможным клиентам сервиса, что, экономя на перемещении за город на автобусе, они на самом деле тратят больше времени и сил, терпят дискомфорт. Затем мы видим совершенно иную ситуацию: эта же молодая пара сидит на заднем сидении такси, у обоих довольные лица, потому что им комфортно, они удобно сидят, им не жарко, никто им не мешает и они могут спокойно общаться или увлечься просмотром сайтов, видео или социальных сетей на своем мобильном телефоне в полной уверенности, что они точно смогут добраться до места назначения. И в этот момент мы слышим фразу, которая дублируется текстом на экране: Ситимобил. Таксипортация за город. Себе дешевле. Это высказывание содержит факт игрового переосмысления ранее упомянутого фразеологизма себе дороже с заменой слова дороже на слово дешевле, что позволяет сделать акцент на выгоды использования услуг данного сервиса, который позволяет сэкономить не только нервы, но и время. В высказывании присутствует еще один маркированный элемент – слово таксипортация. Это игровой неодериват, образованный с помощью словосложения двух основ (такси и телепортация), с помощью которого скорость передвижения на такси сопоставляется с телепортацией.

В другом видео мы видим девушку, едущую в переполненной электричке, напротив нее сидит самоуверенный парень и пристально смотрит на нее. Затем мы слышим фразу, которая дублируется текстом на экране: Поехать на дачу в электричке, чтобы отвечать на вопрос: «Твоей маме зять не нужен?». Парень использует этот банальный вопрос для привлечения внимания незнакомки, и мы понимаем по реакции девушки, как ей неприятен этот вопрос, этот назойливый молодой человек и сама ситуация путешествия с такими попутчиками. Затем на экране мы видим и слышим: Себе дороже. Это высказывание подчеркивает, что, выбрав экономию поездки в общественном транспорте, мы на самом деле «заплатим» больше. Ролик заканчивается кадром, где мы видим эту же девушку, сидящую комфортно на заднем сидении такси, где никто ей не будет мешать наслаждаться поездкой своим назойливым вниманием. К тому же до точки назначения она доберется быстрее, чем на электричке, о чем сообщается в следующем высказывании: Ситимобил. Таксипортация за город. Себе дешевле.

На примере последнего ролика, который мы бы хотели рассмотреть в рамках этого исследования, хорошо видна гибкость такого инструмента передачи информации, как реклама. Когда наступила пандемия Covid-19, и

когда уже можно было свободно перемещаться по городу, в эфир разных медиаресурсов вышел другой ролик сервиса Ситимобил, посвященный поездкам за город, но уже отражающий новейшие реалии. В кадре мы видим мужчину в медицинской маске на лице и в медицинских перчатках на руках, который стоит посреди старенького автобуса, какие обычно ездят на загородных маршрутах, свободных мест нет, мужчине жарко, он хочет открыть окно, но на него строго смотрит женщина, которая тоже сидит в медицинской маске. Мы слышим фразу, которая дублируется текстом на экране: Ехать за город в автобусе, где тебе жарко, а всем остальным дует? Мужчина в это время приоткрывает окошко, а женщина, глядя на него недовольно, отрицательно машет головой. Следом мы видим и слышим фразу «Себе дороже» и смену кадра, где этот же мужчина уже сидит в такси на заднем сидении и свободно открывает окно: Ситимобил. Таксипортация за город. Себе дешевле. Нужно отметить, что в конце каждого ролика появляется информация о том, что на поездки за город предлагается скидка 20%. Данное предложение переключается с фразой «Себе дешевле» и дает ей дополнительный смысл, то есть не только тот, который появляется при игре слов со сменой слова дороже в известном фразеологизме, на слово дешевле, но и прямой, обусловленный тем, что ездить на такси за город дешевле во всех отношениях.

Рекламные видеоролики обладают лингводидактической ценностью при обучении русскому языку как иностранному, а некоторые из них имеют еще и лингвострановедческий потенциал, особенно, если в рекламе отражается или актуализируется национально-культурный фактор. Для понимания рассмотренных в качестве примеров текстов нужно задействовать все органы восприятия информации, такие видеоролики могут вызвать интерес у иностранных студентов и побудить их к самостоятельному изучению других рекламных текстов, которые встречаются в различных медиа, а значит и способствовать легкости и скорости изучения русского языка.

Литература:

1. Воропаева Ю.А. Использование рекламных текстов при обучении РКИ студентов специальностей PR, Реклама, Маркетинг, Журналистика // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2007. – №2. с. 128- 131.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ

Изучая любой иностранный язык, нельзя не окунуться в культуру народа, который является его носителем, и равнодушно отнестись к событиям, повлиявшим на историю страны изучаемого языка и на мировоззрение людей, ее населяющих.

В нашей стране в конце 70х – начале 80х гг. XX в. зародилось уникальное явление, имеющее большое значение для русского лингвокультурного пространства и оказавшее значительное влияние как на людей, живших в то время, так и на последующие поколения носителей русского языка. Это явление – русский рок.

Формирование русской рок-культуры начинается приблизительно в конце 60-х – начале 70-х годов XX в. В самом начале своего развития, на заре возникновения русский рок пытается развиваться по европейскому и американскому образцам, где во главе угла стоит музыкально-ритмический элемент, а вербальное оформление представляется вторичным. Однако уже в 1970-е годы русский рок характеризуется той чертой, которая станет его специфической особенностью: поэтический текст по значимости оказывается абсолютно равным мелодии и музыкальному сопровождению. По этой причине исследователи русской рок-культуры активно используют термин «рок-поэзия».

Крупнейшие представители русской рок-поэзии: Андрей Макаревич, Борис Гребенщиков, Александр Башлачев, Майк Науменко, Юрий Шевчук, Константин Кинчев, Виктор Цой, Илья Кормильцев, Вячеслав Бутусов и др.

В истории русского рока, а, соответственно, и рок-поэзии, можно выделить несколько периодов.

Первый период – 1970-е – начало 1980-х годов – связан с бытованием русского рока в составе культуры андеграунда. Рок-поэзия обращается к темам и проблемам, которые игнорируются официальной литературой, зачастую тексты пронизаны бунтарским пафосом, намеренно эпатируют «обывателя». Рок-поэзия в то время, являясь одной из важнейших составляющих рока, помогая ему выполнять функцию субкультуры по отношению к официальной (стандартной, нормативной) культуре советской, государственной. В рок-поэзии основу речи, конечно, составляет слово, но его функции несколько отличаются от тех, что есть у слова в поэзии, существующей вне музыкального ряда. Ярчайшим примером могут быть песни Виктора Цоя, поскольку даже самые поздние из них пережили своего

создателя и продолжают интересоваться молодых людей. Автор мертв, его произведения завершены, но они остаются всё теми же в восприятии реципиента. Отрывок из песни Виктора Цоя (группа КИНО) «Перемен!»:

«Вместо тепла – зелень стекла,
Вместо огня – дым,
Из сетки календаря выхвачен день.
Красное солнце сгорает дотла,
День догорает с ним,
На пылающий город падает тень.
Перемен! – требуют наши сердца.
Перемен! – требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах,
И в пульсации вен:
"Перемен!
Мы ждем перемен!"»

На занятиях по русскому языку как иностранному этот текст может быть использован как источник новой лексики, как возможность актуализации грамматических конструкций, изучаемых на базовом уровне, а также для формирования произносительных навыков при отработке интонационных конструкций (ИК-5).

В конце 70-х годов Борис Гребенчиков, рассказывая о творчестве своей группы, сказал следующее: «Поэт – это радиоприемник, который улавливает сигналы, идущие свыше». Это значит, что в его представлении сам он является именно поэтом, а не музыкантом, рок-музыкантом или рокером. Обратимся к отрывку из песни Бориса Гребенщикова (группа «Аквариум») «Поезд в огне»:

«Полковник Васин приехал на фронт
Со своей молодой женой.
Полковник Васин созвал свой полк
И сказал им: «Пойдем домой».
Мы ведем войну уже семьдесят лет,
Нас учили, что жизнь – это бой,
Но по новым данным разведки
Мы воевали сами с собой».

На занятиях по русскому языку как иностранному на среднем (базовом) этапе обучения этот текст может быть использован при актуализации и закреплении лексико-грамматических знаний: формы прошедшего времени глаголов совершенного и несовершенного вида, настоящее время глагола, глаголы движения, предложно-падежная система русского языка.

Создание и исполнение рок-композиций в 1980-е гг. являлось нарушением идеологического табу на инакомыслие, для этого требовалась определенная смелость, а также уверенность в собственной правоте. Таким образом, текст – это не только Слово, говорящее, как у В. Цоя, о том, что «всё на месте, да что-то не так», но и Действие.

Особенностью рок-поэзии является и то, что иногда это поэзия не целого произведения, а отдельной строки, ключевой фразы, к которой ассоциативным путем притягивается целая цепочка образов. Они могут не иметь логической связи, но их объединяет то эмоциональное состояние, которое исполнитель проецирует на слушателей. Так, это характерно для текстов Бориса Гребенщикова и Константина Кинчева. Обратимся к припеву песни Константина Кинчева (группа «Алиса») «Моё поколение»:

«Мое поколение молчит по углам.

Мое поколение не смеет петь.

Мое поколение чувствует боль,

Но снова ставит себя под плеть.

Мое поколение смотрит вниз.

Мое поколение боится дня.

Мое поколение пестует ночь.

А по утрам ест себя.

Да!»

Этот фрагмент может быть использован на занятиях по русскому языку на среднем (базовом) этапе обучения с целью актуализации грамматических знаний (средний род имен существительных и притяжательных местоимений; настоящее время глаголов, глагольное управление) и расширение лексического запаса инофонов (способы обозначения времени и пространства).

Второй период развития русского рока – середина 1980-х – начало 1990-х гг. – считается эпохой его расцвета. В результате демократических реформ перестройки рок-культура выходит из подполья и получает возможность реализации перед самой широкой аудиторией. В состав русского рока входит третий элемент: к музыке и слову добавляется шоу.

Русский рок 1980-х социально и политически активен, он осознает силу своего воздействия на значительную часть общества и пытается влиять на судьбы страны. Однако в дальнейшем, утратив свой андеграундный характер, русский рок утрачивает столь необходимую для него позицию – быть в оппозиции по отношению к существующей системе. В начале 1990-х русская рок-культура переживает кризис. Появляются многочисленные представители так называемого «рокопоса». Разворачивается дискуссия на тему: «Рок-н-ролл мертв?», которая, то разгораясь, то затухая, продолжается до сих пор.

Тексты русского рока обладают значительным лингводидактическим потенциалом. Они могут быть задействованы на занятиях по русскому языку как иностранному. Вот основные области их возможного применения:

- развитие восприятия русской речи на слух;
- актуализация и закрепление грамматических конструкций на примерах текстов с повторениями с учётом уровня учащегося;
- ознакомление и приобщение иностранных студентов к культуре и истории страны, язык которой они изучают;
- реализация языкового и творческого потенциала студентов в зависимости от их личных музыкальных предпочтений;
- формирование слухопроизносительных навыков (фонетика), расширение словарного запаса (лексика) и много другое.

Существуют пособия, использующие этот потенциал, однако их немного: вебинар Юлии Амлинской «Песни на уроках РКИ»; образовательный проект Института международного образования ВГУ при поддержке фонда «Русский мир» – «Русский язык в песнях»; учебное пособие «Русский рок и русская грамматика» – И. Р. Куралева, В. Д. Горбенко, М. Ю. Доценко. – 2013. – 104 с.

Главное, что какой бы уровень текстов мы не взяли в качестве учебного материала, от А1 (например у групп «КИНО» и «Аквариум») до В2 и выше (у группы «Алиса» и у Егора Летова), мы, также должны рассказывать студентам о том, какую смысловую и идеологическую нагрузку несли эти песни в период их создания и какой вклад внесли рок-поэты в политическое устройство того времени, русскую культуру, умы людей, не давая при этом оценок политическим событиям.

Зыгарь Д.С.

СИМВОЛ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ПОЭЗИИ А. БЛОКА

Александр Блок – один из ярких представителей “серебряного века” русской поэзии. Он начал свой творческий путь в среде символистов, а вскоре занял особое место в этом направлении, нередко противореча законам символизма своими стихами и литературно-общественной позицией. Символизм – одно из самых сложных и противоречивых направлений в русской литературе. И именно использование символов в стихотворениях – одна из основных особенностей поэзии А. Блока.

Данная тема мало подвергалась изучению, а тщательное исследование лирики Александра Блока, а конкретнее символ Вечной Женственности, поможет глубже понять идейный замысел автора, а также

более точно передать его взгляды на проблему. В исследовании объединен и сформирован материал, который широко раскрывает философские и эстетические взгляды поэта и определяет в творчестве устойчивую систему символов и образов.

Художественные символы можно найти в многочисленных произведениях, относящихся к высокой культуре, потому что не многие способны открыть для себя истинный смысл, передаваемый автором. В литературе используется этот прием, чтобы зашифровано передать тот контекст, который хотел показать автор, но не смог по тем или иным причинам.

В Россию символизм пришел в 1890-е и стал одним из важнейших и крупнейших литературных направлений в XX веке. Странники нового искусства отходили от обыденности и повседневности к чувственным образам, посредством выражения через символы и аллегории. Русский символизм характеризовало две ветви – «старшие символисты», которые связывали искусство с религиозными идеями (Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов) и «младосимволисты» или «младшие символисты», отражающие идеи Владимира Соловьева (А. Блок, А. Белый, В. Иванов). У «старших» показаны мотивы одиночества, меланхолии, невозможности самореализации героя. В то время как «младосимволисты» наоборот противопоставили мрачному и пессимистичному взгляду на мир и открыли новую яркую веру в особую духовную роль писателя. Они считали, что именно душа правит миром и воплощает идеи Вечной Женственности.

Философской идеей Владимира Соловьева о Вечной Женственности являлась София – Душа Мира. Душа мира - философское понятие, означающее единую внутреннюю природу мира, мыслимую как живое существо, обладающую стремлениями, представлениями, языком и чувствами.

Основная черта Божественной Софии – это вечная Женственность, некий мост, соединяющий земной и божий миры. София, по мнению Соловьева, пассивна, она принимает приказы Бога и приносит их в наш мир, она служит воле Божьей, и в этом ее схожесть с женским началом, повинующимся мужскому. София выступает в роли посредника между двумя мирами.

Через символы Блок описывал образ Вечной Женственности, т. е. Прекрасной Дамы. Данный образ являлся не только характерным для любимой женщины, но и являлся символом гармонии и добра, духовного начала всего живого, красоты мира, к которому он стремился, о котором страстно мечтал, но так и не сумел отыскать в земном мире. В цикле «Стихов о Прекрасной Даме» в героине преобладали признаки истинного божества, в

то время, как земных черт она лишена. Служение Прекрасной Даме для поэта был самый главный подвиг в жизни:

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо.

Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо,

И молча жду, тоскуя и любя... [1:93]

В данном стихотворении Блок вносит показывает свое почитание, уважение Вечной Женственности, но при этом герой чувствует юношескую страстность, нетерпение, тоску. Стихи его наполнены волнения. Все чувства расправлены в одном желании: «Жду тебя».

Так же в произведениях Александра Блока важна символика цвета, для полного образа картины. Цикл «Стихов о Прекрасной Даме» прописан белым цветом. Белый является символом чистоты, непорочности, священности, божественности. На языке божественном белый – цвет божественной мудрости. На мирском языке он символизирует чистоту, целомудрие, мир, девственность, свет, а поскольку он «не скрывает другого цвета», невинность и правду. Например, в стихотворении «Странных и новых ищу на страницах...», написанное 4 апреля 1902 года, часто используется белый цвет: «...грежу о белых исчезнувших птицах...», «...белой мечтой неподвижно прикован...», «...белая ты...», «...белым огнем Купины...» [1;140].

Белые птицы становятся символом свободы, а Обращение «Белая Ты», где местоимение употребляется с заглавной буквы, раскрывает восхищение лирического героя своей возлюбленной. Белый цвет в данном стихотворении является символом чистоты, непорочности и возвышенности.

Таким образом, в творчестве Александра Блока символизм является неотъемлемой частью. Символ Вечной Женственности заключается в образе Прекрасной Дамы, именно в эту Божественную, духовную девушку, автор заключил весь смысл вечно женственного. Конечно же, окрас произведений, через семантику цвета, помогает нам лучше познакомиться с героиней. Девушка, описанная поэтом, навсегда останется с читателем, в образе непорочности и духовной чистоты.

Литература:

1. Блок А. Собрание сочинений в шести томах. - Т. I. - М., 1971. – 479 с.
2. Соловьев В. С., Собрание сочинений, т. VI, СПб, «Смысл любви», С. 405; т. III, «Чтения о Богочеловечестве», гл. VIII; С. 258–262 (Россия и Вселенская Церковь); т. VIII, «Идея гуманности у Огюста Конта», С. 240; т. IV, «История и будущее теократии», С. 231
3. Мазина Е. И. Тема Вечной Женственности в культурном пространстве Серебряного века— М.: Гос. акад. славян. культуры, 2009. — 170 с.

4. Кантор В.К. «Вечно женственное» и русская культура // «Октябрь». — 2003. — № 11.

URL: <http://magazines.russ.ru/october/2003/11/kantor.html>

5. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т.1. М., 1994 – 479 с.

Исаханова П.И., Ширяева О.В.

ЭФЕМИЗАЦИЯ И ДЕТАБУИЗАЦИЯ В МЕМАХ С ТЕМАТИКОЙ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ»

Существует большое количество определений понятия «мем». Хронология научных исследований восходит к понятию мем, предложенному Р. Докинзом. Первые упоминания мема встречаются в диссертационных работах из фонда Российской государственной библиотеки (РГБ) с 2005 года. О.Г. Беломоева в работе «Универсализм культуры: Опыт культурологического анализа» пишет о меме как о «единице культурного отбора и культурной трансмиссии, которая уподобляется единице генетической информации». Р.В. Корень уточняет, что «в отличие от генов, мемы являются артефактами: мелодии, идеи, фасоны одежды, молитвы с их обрядами, технологии производства, строительства, обучения и т.д. Они сами являются продуктами научения. Мемы переносятся из мозга одного человека в мозг другого, вызывая процесс "имитации". Очевидно, чем компактней, грамотней и естественней будет мем (т.е. несущим структурированную информацию), тем легче он будет имитироваться в мозгу обучаемого «подражателя».

Эти работы объединяет то, что мем здесь исследуется в рамках мимесиса или имитации. И подразумевается, что мем играет роль своеобразного гена культуры. Но с переходом в Интернет правила распространения мемов меняются. Мемы большую часть своего существования в научном дискурсе функционируют в интернете. О функционировании мемов именно в интернет-пространстве говорится в работе А.А. Киселёва «Политическое участие в интернете» в 2007 г. Опираясь на труды С. Година и В.З. Когана, мы можем рассматривать мемы не просто как своеобразный интернет-фольклор, а как оружие, способное распространяться подобно вирусу и негативно влиять на умы читателей. В первую очередь это касается сферы политики: интернет-мемы политической тематики и проблематики – это не столько народное творчество, сколько средство манипуляции общественным сознанием. Эту точку зрения разделяют такие исследователи, как С.А. Шомова «Развлекать и властвовать: образы российской власти и оппозиции в интернет-мемах», А.Г. Квят «Медиаем как инструмент политического PR: когнитивный подход», С.В. Канашина

«Интернет-мем и политика», Д.А. Ежов «Политическая семантика интернет-мема» и др.

В 2011 году А.А. Калашникова даёт такое определение интернет-мема: «это вошедшее в употребление в середине первого десятилетия XXI века название явлений спонтанного распространения в Интернете всеми возможными способами (в основном в блогах и на форумах) некоторой информации или фразы, часто бессмысленной, спонтанно приобретшей популярность в сетевой среде» [2; С. 13]. Теперь главным средством главной характеристикой мема, способствующей его широкому распространению, является не его компактность, грамотность и естественность (вспомним так называемый олбанский язык), а именно юмористическая составляющая, комичность, нестандартность, т.е. те черты, которые способствуют привлечению и удержанию внимания реципиентов. По этой причине наиболее популярными нередко оказываются тексты, характеризующиеся низким уровнем речевой культуры, а также нарушением языковых и этических норм.

Необходимо отметить и то, что в настоящее время далеко не все мемы носят юмористический характер и имеют установку на комизм. В зависимости от наличия различных характеристик можно выделить разные группы подобных интернет-текстов, причем количество таких групп может быть неограниченным. В зависимости от потребностей читателей (мемы также могут создаваться «искусственно» на заказ определённым человеком) или (если мемы создаются участником тематической группы) из-за контингента, мемы могут быть самой разной направленности.

Несмотря на то, что эта работа посвящена эвфемизации и детабуизации в мемах с тематикой «жизнь – смерть», современная методика преподавания РКИ также не остаётся в стороне от этого явления. Сейчас активно разрабатываются уроки по РКИ по мемам, что позволяет знакомить иностранных студентов не только с новой лексикой, но и со смеховой культурой носителей русского языка, а также с лингвокультурным пространством русскоязычного Интернета – той коммуникативной средой, которая уже давно стала привычной для русскоговорящей молодежи.

Тема эвфемизации смерти в популярных интернет-текстах практически не разработана, также нам не удалось найти ни одной работы, посвящённой эвфемизации смерти в интернет-мемах, а также эвфемизации и детабуизации жизни.

Исследование проводится на материале собственно вербальных и креолизованных интернет-текстов, полученных методом сплошной выборки из групп ВКонтакте и Telegram. Основными методами исследования является контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, лингвостилистический анализ интернет-текста.

В настоящей работе рассматриваются интернет-мемы двух типов (способов выражения): текстовый (собственно вербальный) мем и креолизованный (вербально-визуальный) мем, то и эвфемизация и детабуизация также будет рассмотрена на двух уровнях: лексическом и визуальном. Объектами визуальной табуизации в этой работе будут считаться оружие, трупы, части тел, атрибуты, связанные с похоронными обрядами. Лексические табу – это такие лексические единицы, как смерть и умереть, а также их дериваты и контекстуальные синонимы.

Наиболее типичным примером мемов смертельной тематики являются демотиваторы, поскольку сам жанр демотиватора предполагает актуализацию негативных, меланхолических настроений, при этом подобные тексты могут выполнять как развлекательную функцию, так и регулятивную.

Первая группа: эвфемизированная лексика и детабуизированная визуализация.

Вторая группа: детабуизированная лексика и эвфемизированная визуализация.

Третья группа: эвфемизированная лексика и визуализация.

Четвёртая группа: детабуизированная лексика и визуализация.

Пятая группа текстовые интернет-мемы эвфемизированная лексика.

Из выборки в 34 интернет-мемов смертельной тематики не было обнаружено текстовых интернет-мемов с детабуизированной лексикой. Также среди выборки встретилось всего 5 интернет-мемов с детабуизированной лексикой, при этом детабуизированная визуализация преобладает (23 из 36). Вероятно, это связано с типом конструкции текста, при котором вербальная составляющая является завязкой, а картинка – панчлайном. В работе С.В. Канашиной «Детабуизация в интернет-мемах на лингвистическом и тематическом уровнях» исследовалась детабуизация на примере англоязычных мемов (мемы, тематически связанные со смертью не затрагивались). Исследователь показывает, что в этих креолизованных речевых произведениях картинка служит лишь фоном для высказывания, а сам вербальный компонент детабуизирован и может содержать не только нецензурную лексику, но также прямые оскорбления. Примером может служить мем, в котором республиканцы и демократы названы идиотами. Вероятно, здесь имеет место разное отношение культур к табуированным темам, а также законодательству стран. Например, России оскорбление чувств верующих уголовно преследуемо (Статья 148 УК РФ), а в США нет.

Интернет-мемы с витальной тематикой затрагивают множество тем, в основном это мемы, характеризующиеся виртуальным сообществом с помощью таких метатекстовых комментариев, как «жизненно» или «жиза». Обычно эти мемы показывают какие-то казусные ситуации, которые воспринимаются

автором мема как реальность, с которой можно только смириться, что печалит и смешит его одновременно. В этих интернет-текстах присутствует рефлексия человеческой обыденности, повседневности. Нечто рядовое представлено как что-то всеобщее, касающееся многих или большинства. Тематически можно выделить следующие группы: реалии жизни российских студентов, реалии жизни российских школьников, гендерные стереотипы, культурные артефакты, стереотипы о России, мотиваторы.

Такие темы, как пьянство, глупость, лень не табуируются в интернет-мемах. Об этой неприятной стороне человеческого существования говорится прямо, без эвфемизмов, визуальный компонент иллюстрирует собственно вербальный текст или же является панчлайном. При этом мемы, посвященные интимным отношениям, которые также являются неотъемлемой частью жизни, содержат только эвфемизированную лексику и эвфемизированные визуальные образы, разного рода намёки и недосказанности.

Литература:

1. Блинова, А.Н. Концепт СМЕРТЬ: эвфемизмы в современном русском интернет-дискурсе (на материале названий групп смерти) [Текст] / А.Н. Блинова // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2018. - № 7. – С. 25-30.

2. Калашникова, А.А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект [Текст]: автореферат дис. ... канд. филологических наук: 10.02.19: защищена 24.11.2011 / Калашникова Анна Александровна. - Ростов-на-Дону, 2011. - 19 с.

3. Канашина, С.В. Детабуизация в интернет-мемах на лингвистическом и тематическом уровнях [Текст] / С.В. Канашина // Вестник МГЛУ. – 2014. - № 20 (706). – С. 90-101.

4. Канашина, С.В. Что такое интернет-мем? [Текст] / С.В. Канашина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2017. - № 28 (227). – С. 84-90.

5. Щурина, Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии [Текст] / Ю.В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. - № 6. – С. 85-89.

ПРОБЛЕМА ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ В ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ

В работе рассматривается роль СМИ в освещении вооруженных конфликтов, выявляются методы информационного влияния и дезинформации, выдвигаются требования к квалификации журналиста и анализируется специфика освещения Казахстанского и Сирийского конфликтов средствами массовой информации.

Тема работы является, безусловно, актуальной, так как военные конфликты проходят повсеместно и выступают постоянным объектом внимания журналистов, государственных деятелей и мирного населения.

При написании исследования нами использовались следующие работы: «Военная журналистика» К.А. Алексеева, «Правовые и этические нормы в журналистике» Е.П. Прохорова и «Военная журналистика» Н.А. Спирина.

В нашей работе отмечается, что в странах, которые страдают от конфликтов и серьезной незащищенности человека, средства массовой информации играют важную роль как активный защитник прав человека, а также как медиатор для деэскалации и урегулирования конфликтов посредством сбора и распространения непредвзятой информации.

Сложно назвать какую-то определенную причину возникновения конфликта. Это может быть разжигание ненависти различных этнических или культурных групп, ксенофобия, расизм, сексизм, бедность, коррупция и многие другие причины.

Конфликты в современном мире не остаются локальными, они быстро выходят на глобальный уровень. Репортеры, показывая объемную картинку, доказывают «близость» проблемы и необходимость поиска ее решения.

Сейчас, более чем когда-либо, при наличии онлайн-источников новостей ожидается, что новости будут доставляться мгновенно, и журналисты сталкиваются с необходимостью быстро публиковать истории, чтобы не отставать от конкурирующих источников СМИ [2:255]. Под таким давлением становится все труднее поддерживать стандарты справедливости и точности.

Использование фотографий — один из самых эффективных способов легитимации новостных сюжетов в печатных СМИ. Фотография, как и слово, является одним из способов передачи истинной информации. Отражение реальной жизни в снимках в сознании читателя ассоциируется с «неопровержимыми» доказательствами.

Джеймс Турпин пишет в этой связи, что новости дают возможность политикам инициировать сообщения друг другу, обнародовать свои планы, не обсуждая их напрямую. Новости служат в качестве экспериментальной площадки для формирования реакции на текущие события тех, кто находится у власти.

В горячих точках не следует полагаться на соблюдение международного права и норм национального законодательства. Государство не всегда может использовать свой дипломатический потенциал для защиты своих граждан в другой стране [1:295].

Защиты журналистов в опасных командировках обсуждалась на различных уровнях, в том числе и на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН в 70-х годах. Процесс завершился 8 июня 1977 г. принятием Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям. В протокол I, относящийся к международным вооруженным конфликтам, включена ст.79 "Меры по защите журналистов".

На журналиста распространяются все нормы международного гуманитарного права, применимые к любому гражданскому лицу. Другими словами, если журналист захватывается в плен, ему должна быть обязательно предоставлена защита, судебные гарантии, что при первой возможности он должен быть выдан тому государству, которому он принадлежит, и многие другие положения.

В любом случае не разрешается журналисту брать в руки оружие, если он начинает помогать той или иной вооруженной группировке. Международным гуманитарным правом в такой ситуации он квалифицируется уже не как журналист, а как военнослужащий, который в данном случае занимается не своей прямой обязанностью, а становится участником вооруженного формирования.

Следующий вопрос, который очень актуален и злободневен сегодня, - это свобода перемещения журналиста в зоне вооруженного конфликта. Каждое командование пытается установить на этот счет какие-то ограничения: или вводит комендантский час, или специальные удостоверения.

Многие вооруженные формирования требуют от журналиста проходить процедуру аккредитации. Это удостоверение, считается общепризнанным международным документом и позволяет идентифицировать личность журналиста в зоне вооруженного конфликта. Следует подчеркнуть, что журналист должен оставаться в тех рамках, которые ему предписаны. Если он за них выйдет, то рискует быть обвиненным в шпионаже.

И конечно же не стоит забывать, что это прежде всего война. Огромное количество военных корреспондентов и фотожурналистов погибает во время исполнения своих обязанностей.

По данным ЮНЕСКО в 2021 году по меньшей мере было убито 55 журналистов. Это самое низкое число погибших представителей прессы за год в последние десять лет. По меньшей мере 24 журналиста погибли из-за своей профессиональной деятельности, еще 18 умерли при обстоятельствах, недостаточно ясных для установления точной причины.

Так, например, в 2022 году, в январе месяце, в Казахстане на митингах, перешедших в беспорядки, жилетка с надписью «ПРЕССА» стала мишенью не только для силовиков, но и для агрессивных участников протестов. Ради собственной безопасности журналистам приходилось её снимать и работать инкогнито.

Массовые протесты сопровождались грабежами магазинов и банков. Были захвачены оружейные магазины, производились поджоги правительственных зданий и мародёрство, была сожжена бывшая резиденция президента, почти одновременно в четырех городах подожгли акимат (мэрия), протестующие захватили аэропорт Алматы, произвели захват спецтехники. Власти потеряли контроль над городом, ввели чрезвычайное положение и комендантский час [3].

Во всей стране полностью пропала связь, интернет не работал около недели. Пока страна была практически отрезана от новостей, досталось и медиа службам, погромщики сожгли здание, откуда вещали республиканские телеканалы и радиостанции. 6 января погромщики разграбили и сожгли редакции телеканалов «МИР», «Первый канал “Евразия”», «Казахстан», «Хабар», КТК и нескольких радиостанций.

В тот же день съёмочная группа телеканала «Алматы» попала под обстрел: водитель погиб, оператор специальной техники был ранен и ему ампутировали два пальца на правой руке. 8 января неизвестные пытались захватить «31 канал» в Алматы. Журналисты Orda.kz были ранены, когда освещали нападение на здание акимата Алматы. Одному попала в лицо световоздушная граната, другому – в спину резиновая пуля.

Под раздачу попали и соборы зарубежных изданий. В Алматы вооруженные люди стреляли под ноги журналисту «Дождя» и фотографу The Insider за то, что они снимали задержание мужчины у морга. В том же городе протестующие напали на корреспондента «Медиазоны». Тот снял, как неизвестные били полицейские машины за акиматом.

С риском для жизни и в отсутствие связи журналисты продолжали выполнять свою работу. Однако, помимо Казахстанских СМИ за ситуацией активно следили и зарубежные СМИ.

СМИ нашей страны отреагировали достаточно быстро, так, например, новости о Казахстане на канале Россия 24 появились 4 января, но по теме изначально проходились поверхностно. Почти одновременно с цитатами

Дмитрия Пескова в Российских СМИ появились сообщения о том, что обстановка в Казахстане накаляется. Российские СМИ пересказали отчёты казахстанских властей.

Ситуацию начали сравнивать с Майданом. Чтобы не вызвать волнение среди своих граждан, СМИ очень тщательно подготавливают почву. В такой ситуации совершенно естественным для аудитории выглядит привлечение сил ОДКБ.

Западная пресса тоже не осталась в стороне и внимательно следила за происходящим. События в Казахстане имели значение и для США, пишет *New York Times*, так как это важная страна для американских энергетических интересов.

Правительство Казахстана, поддерживая тесные отношения с Москвой, культивировало такие же тесные отношения с Вашингтоном, видя в американских инвестициях противовес российскому влиянию.

За время боевых действий в Сирии погибли свыше 700 сотрудников СМИ. Большой резонанс в мировом общественном мнении вызвали российские журналисты, посещавшие горячие точки с целью поиска точной и правдивой информации о происходящем.

Например, посещение русскими корреспондентками сирийско-турецкой границы позволило показать, что террористы из вооруженных группировок — именно те бандиты, которые использовали химоружие. Распространение этой информации через электронные площадки стало важным шагом для показа действительности событий, разворачивающихся в Сирии, и разоблачения вражеских СМИ, распространяющих ложную информацию.

Что мы имеем в виду, когда говорим о фальшивой информации? Так, СМИ использовали образ 11-летнего сирийского мальчика Хасана Диаба, который якобы попал под химическую атаку в городе Дума в Восточной Гуте. Сирийская армия была обвинена в смертельном исходе. Но позже, выяснилось, что мальчик и его семья живы. Слова Хасана подтвердил и его отец, добавивший, что никакой химической атаки в городе не было.

Российские СМИ в своих новостных сводках по большей части акцентируют внимание на взаимоотношениях Москвы, правительства Сирии и США. Так, например, в интервью для ТАСС от 14 марта 2012 года глава МИД Сергей Лавров рассказывает об отношении России к сирийскому конфликту [4].

Видна четкая позиция России, в которой она поддерживает режим Башаров Асада, аргументируя это подавлением террористических группировок. Так же Российская Федерация, судя по публикациям, выступает против интервенции и военного вмешательства.

Американским информационным агентством «The New York Times» акцентируется внимание на взаимоотношениях США и России, когда российский лидер призывает к сотрудничеству в Сирии и стремится к налаживанию взаимоотношений с Америкой. США, тем не менее, считают, что В.В. Путин всего лишь играл роль миротворца на Ближнем Востоке, так как на самом деле у него иные цели в этом регионе.

В публикации «The New York Times» на 22 октября 2015 года автор говорит об этом намерении, отмечая, что российский лидер, кажется, временами пытается произвести хорошее впечатление на Вашингтон и Запад, что является важнейшей частью его стратегии вмешательства в Сирию.

По итогам работы мы можем сказать, что репортажи журналистов формируют представления общества о происходящем в зоне вооруженного столкновения. От того, насколько объективен и убедителен будет журналист, зависит эскалация конфликта и его скорейшее урегулирование. Чтобы не запутаться в информации и не попасться на крючок к провокаторам, прежде чем спорить, и приводить какие-то аргументы, необходимо досконально проверить информацию. Средства массовой информации несут ответственность за честное и непредвзятое отражение происходящих в мире событий.

Из этого можно сделать вывод, что главное, чего не хватает журналистам сейчас, это осознание меры ответственности, которую на них возлагает профессия журналиста, и понимания, что журналист, прежде всего, миротворец. Поэтому важно помнить, что человек, наделенный такой властью как информация, в обязательном порядке наделен ещё и обязанностью предоставлять отчёт за принятые решения, действия и их последствия.

Литература:

1. Алексеев К.А. Военная журналистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2013. – с. 295.
2. Прохоров. Е.П. Правовые и этические нормы в журналистике. – М.: Приор, 2012. – с. 255
3. Мародеры напали на телекомпании в Алма-Ате - Россия 24
URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1B4ouorxeOk>
4. Статья от ТАСС: Россия защищает не режим, а суверенное право сирийцев решать свою судьбу // 2012
URL: <https://tass.ru/politika/507362>

**ТЕМА МЕТАМОРФОЗ В РОМАНЕ В.О. ПЕЛЕВИНА
«ЖИЗНЬ НАСЕКОМЫХ»**

«Жизнь насекомых» - первый роман Виктора Пелевина, опубликованный в 1993 году и сразу сделавший его знаменитым писателем в самых широких читательских кругах.

Антиутопия «Жизнь насекомых» насыщена глубоким философским содержанием. С первых страниц перед нами возникают не то люди, превращающиеся в насекомых, не то насекомые, «притворяющиеся» людьми, не то вообще насекомолюди, подражающие жизни тех и других.

Актуальность темы данной работы заключается в том, что основным структурным принципом романа Виктора Пелевина «Жизнь насекомых» является метафора, которая позволяет рассматривать образы и ситуации в различных плоскостях (временных, пространственных, смысловых и т.д.). Писатель придаёт превращениям своих героев условно-символический характер, показывая многообразие форм жизни, её вечное движение, внешние и внутренние метаморфозы.

Научная новизна исследования обусловлена поставленной целью изучения темы метаморфоз и художественного пространства В. Пелевина на примере романа «Жизнь насекомых».

Стремление воссоздать потерянное достоинство человеческой личности - основная тема романа. В нем обозначено не кольцо сюжетных линий, и каждая из них связана с какой-либо категорией людей, являющихся лицом своего времени.

В этом произведении происходит обратимая метаморфоза (трансформация персонажей в насекомых и обратно), что даёт автору широкое поле для метафор, философских и сатирических находок.

Все персонажи романа «Жизнь насекомых» – это своеобразное собрание притч о людях нашего времени. Фантастические герои, имеющие земные имена, воплощают размышления автора о человеке, о его судьбе в современном мире, о его духовных возможностях, которые не были использованы вследствие глобальных социальных причин. Именно персонажи составляют основу игровой поэтики романа В. Пелевина.

Своеобразие метаморфоз, происходящих с ними, заключается в обратимости и незаконченности превращений. В романе нет границ между существованием персонажа в облике насекомого или в облике человека, каждый персонаж постоянно переходит из одного состояния в другое и обратно. Здесь мы сталкиваемся с понятием метаболы [4:352].

Роман построен на совмещении, наложении и противопоставлении смежных миров, существующих в сознании героев - они то люди, то насекомые. Реальность мира, посещаемого в данный момент в поле видимости читателя находится в прямой связи с личностью персонажа, воспринимающего внешнее пространство на том уровне, который они способны постичь на данном этапе своего развития.

Муха становится дамой кавалера, у насекомого появляются руки и ноги, а у человека лапки. И то, что происходит с насекомыми, вполне может быть соотнесено с существованием человека – страх за свою жизнь, постоянная борьба за существование, поиск надежного убежища и т. д. Таким образом, гротеск пронизывает все уровни романа-антиутопии В. Пелевина и становится структурообразующим принципом произведения [3:214].

Необычные герои – художественное открытие В. Пелевина. Они не просто абстракции, аллегории, а воплощение внутренней сущности людей. Персонажи романа не совершают перехода от человека к насекомому и обратно, они живут параллельно в разных мирах – и в мире людей, и в мире насекомых.

Так, муха Наташа прихлопывает комара Арчибальда, и потом плачет над его изуродованным, уже человеческим, телом; официантка выбрасывает в объедки липучку с трупом Наташи-мухи на глазах у москита Сэма, который реагирует как человек.

Фактически весь роман посвящен раздумиям над вопросом, поставленным еще Ф. Достоевским в романе “Преступление и наказание”: “Вошь я прихлопнутая или право имею?..” Наделяя своих необычных героев способностью мыслить, переживать, любить, автор размышляет над тем, а чем же человек отличается от насекомого, в чем заключается смысл человеческого существования [2:123].

С точки зрения формы Пелевин — постмодернист (в классическом его варианте), экспериментирующий и изобретающий. Развивая традиции постмодернистской эстетики, он уходит дальше, выписывая в романе картину мироздания. Принцип буддизма о возможном переселении человеческих душ в животных, насекомых Пелевин доводит до абсурда. Обитатели этого мира взаимодействуют друг с другом в двух равноправных телесных модусах — людей и насекомых. Каждое действие героя как насекомого немедленно отзывается в нем как в человеке. Жизнь людей-насекомых оказывается непрерывающейся взаимосогласованной симуляцией актов существования. Читателю невозможно уследить за превращениями. Думаешь, что это человек, а он вонзает хоботок и пьет кровь, думаешь, муха, а она снимает платъице и идет купаться и т.д. Но всё сливается в единое целое и по отдельности один модус ничего не значит без другого. Целое — это человек-насекомое,

пытающийся жить в мире, который кажется ему реальностью. По этому же принципу всеобщей связанности и взаимосогласованности построена и структура самого романа.

Считается, что «Жизнь насекомых» – это роман-метафора, продолжающий традицию, намеченную Ф. Кафкой в рассказе «Превращение». Известно, что Ф. Кафка возражал против того, чтобы рассказ «Превращение» воспринимался как чисто фантастическое произведение, он неоднократно подчеркивал его метафорическую сущность. И Виктор Пелевин, безусловно, является талантливым последователем Ф. Кафки, представляя метафорическую картину человеческого бытия конца XX века [5:71-73].

Мотив превращения, заимствованный из фольклора и мифологии, становится неотъемлемой частью гротескного мира В. Пелевина.

Окружающая действительность в романе В. Пелевина раздвигается до масштабов Вселенной и представляется как сложная и тайная, не познаваемая до конца система. Вряд ли писатель ставит задачу найти смысл жизни. Большинство героев «Жизни насекомых» ничего не ищут. Они просто живут сегодняшним днем, а если и делают попытки проникнуть за пределы сознания (как, например, мотылек Митя-Дима), то терпят поражение. Поэтому читателю так сложно выявить и точно определить скрытый смысл пелевинского произведения, дать объективную оценку изображаемым событиям [1:178].

Однако именно эта особенность, наверное, и делает «Жизнь насекомых» книгой необыкновенно интригующей и захватывающей и объясняет неизменный интерес к роману.

Литература:

1. Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. – М.: Наука, 2006. С-178.
2. Богданова О.В. Литературные стратегии В. Пелевина: учебное пособие. – СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2007. – 123 с.
3. Генис А. Виктор Пелевин: Границы и метаморфозы. //Знамя, 1995. - №12., с. 214.
4. Пелевин В.О. Жизнь насекомых: Романы / В.О. Пелевин. – М.: ВАГРИУС, 1999. - 352 с.
5. Позднякова И. Ю., Жан де Лафонтен в контексте культурных ассоциаций романа Виктора Пелевина «Жизнь насекомых» / Материалы научной конференции.2000.С. 71-73.

**СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА «ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН»)**

Творчество Марины Цветаевой стоит особняком. Поэтесса не принадлежала ни к одному поэтическому направлению. Ее стиль настолько индивидуален и оригинален, что исследователи не могут отнести его к какому-либо направлению того времени.

В данной работе мы рассматриваем своеобразие цикла М.И. Цветаевой в ее цикле «Лебединый стан».

Актуальность темы исследования определяется проблемами понимания смыслов и идей, которые хотела передать в своем цикле стихов М.И. Цветаева. Кроме того, актуально и исследование тематики, семантики цвета и символики «Лебединого стана».

К научно-исследовательским трудам, в которых разработаны и рассмотрены особенности поэзии М.И. Цветаевой, можно отнести: «Тему смерти и бессмертия в книге стихов Марины Цветаевой «Лебединый стан» Е.А. Немчиновой, «Мир творчества А.И. Цветаевой: художественное, онтологическое, событийное» Е.А. Касатых, «Поэтические циклы Марины Цветаевой: Художественный смысл и поэтика» М.В. Серовой, «Сюжет, деталь и способы символизации в лирическом цикле М. Цветаевой "Лебединый стан" Т.Б. Кирюниной, «Цветаева М. В полемике с веком» Ю.В. Шатиной. А также такой прикладной языковой материал, как тексты стихотворений М.И. Цветаевой и статьи лексикографических источников.

Обращаясь к тематике, мы можем заметить, что выбор тем произведений цикла «Лебединый стан» неразрывно связан с определённым периодом жизни поэтессы. В связи с этим стихотворения данного цикла можно сгруппировать по следующим темам, на которых делает акцент М.И. Цветаева: гражданской войны, революции, смерти и бессмертия, религии и Бога, материнского страдания [1:50].

Помимо этого, в изучаемом цикле стихотворений можно выделить три основных цвета, наиболее значимых и несущих глубокое смысловое значение. Как правило, эти цвета используются ею на принципе контраста, она противопоставляет их, делая акцент на том, что считает важным. Белый, красный и черный цвета наиболее точно помогают Цветаевой создать образы революции, отразить собственные чувства и переживания, а также выразить свое отношение к революции и судьбе Белой гвардии. Белый цвет здесь ассоциируется с духовным началом, духовным освобождением, словно предсказывая гибель Белого движения.

Переходя к символике, можно отметить, что в самом названии цикла отражен один из его центральных символов. Лебедь является издавна символом чистоты, любви и преданности. Другим ярким символом цикла «Лебединый стан» является черный ворон. Согласно народным поверьям черный ворон – предвестник смерти и опасности. Можно сделать вывод, что цикл «Лебединый стан» не лишен символизации, где центральными становятся символы лебедя и черного ворона.

В результате анализа цикла было выявлено, что его центральными темами становятся темы: Гражданской войны, революции, смерти и бессмертия, материнского сострадания, Бога. Данный ряд подобран неслучайно. Поэтесса пишет о том, что ее волнует. Как и многих других поэтов, тяжелые годы революции и войн не могли оставить поэтическое сердце равнодушным. Переплетаясь, эти темы образуют единую картину того времени: ужасы братоубийственной войны, потери близких, личное горе и сострадание к другим. Это симбиоз описания обстановки тех лет и личное отношение поэтессы к ним.

При изучении цикла также важно было обратиться к цветовой семантике. Его тремя основными цветами становятся белый, красный и черный. Именно такая цветовая палитра помогает наиболее точно описать борьбу Добра со Злом. Белый цвет используется для создания образа Белого движения. Он подчеркивает его благородство, честность и чистоту. Красный цвет выступает не на контрасте, а дополняет белый. Такое дополнение необходимо поэтессе для того, чтобы показать равенство каждого человека: несмотря на войны, смерть уравнивает всех [4:14-16].

Черный цвет используется в противоположность белому. Черный – это цвет смерти, скорби. Он становится символом зла. С помощью противопоставления поэтесса делает акцент на том, что надеется и верит в духовное воскрешение Белого движения.

Также мы выделили центральные символы цикла. Лебедь и ворон вновь образуют контраст. М.И. Цветаева выбирает их, опираясь на историю данных символов и на их значение. Так, лебедь, с одной стороны, символ чистоты, любви и верности. С другой – предвестник смерти, освобождения от материальных пут [2:285] Ворон – символ разрухи и смерти, издавна несет в себе отрицательную окраску. Именно поэтому поэтесса его выбирает для обозначения революции [3:14].

Таким образом, мы убедились в том, что цикл «Лебединый стан» своеобразен и обладает рядом особенностей, тесно связанных друг с другом. С поразительной точностью М.И. Цветаевой удалось объединить и переплести между собой различные аспекты, придавая поэтичность циклу и вместе с тем не отходя от описания революционных событий.

Литература:

1. Е.А. Немчинова, Тема смерти и бессмертия в книге стихов Марины Цветаевой «Лебединый стан». Кафедра истории русской литературы XX века Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 119991 <https://cyberleninka.ru>

2. Керлот Х.Э. Словарь символов. — М., 1994

3. Кирюнина Т.Б. Сюжет, деталь и способы символизации в лирическом цикле М. Цветаевой "Лебединый стан": автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Моск. пед. гос. ун-т. - Москва, 2000. - 16 с.

4. Образ цвета в сознании носителя языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Таныгина Елена Александровна; [Место защиты: Кур. гос. ун-т]. - Курск, 2012. - 19 с.

Менякина А.А.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А. А. ПРОХАНОВА

Определение роли метафоры в процессе познания и осмысления реалий действительности по-прежнему принадлежит к числу важнейших задач лингвистики. Как известно, существует целый ряд теорий метафоры, при этом в русле традиционных лингвистических исследований данный тип переносного значения часто рассматривался как языковое украшение, компонент языка поэтов, а не как инструмент познания.

На протяжении многовековой истории науки теория метафоры проделала большой путь от понимания её как средства выразительной речи до трактовки в качестве когнитивного механизма, способа познания и категоризации действительности. Большая заслуга в когнитивном понимании данного явления принадлежит Дж. Лакоффу и М. Джонсону, которые говорят о двухпространственной модели отображения из сферы-источника в сферу-цель и относят метафору не к уровню языковой техники, а к уровню мышления и деятельности. Принципы когнитивного подхода к метафоре как раз и легли в основу современного подхода к изучению религиозной метафоры в целом и библейской метафоры в частности.

Проводимое нами исследование в числе прочих базируется на положении о том, что религиозный язык представляет собой метафорическое воплощение определённых образов, с помощью которых автор вносит в текст скрытый, вторичный смысл.

Как отмечают авторы работы «Библейская метафора в художественном тексте», религиозная метафора часто тесно связана с проблемой интертекстуальности, что в свою очередь понимается как соотношение текста с другими текстами [1, с. 538].

Полагаем, что данный подход можно применить к анализу религиозной метафоры, использованной в романе А. Проханова «Последний солдат империи» [2] и в его книге «Слово к народу» [3]. Тема работы представляется актуальной, поскольку анализ политического дискурса является недостаточно изученным с точки зрения его интертекстуального наполнения.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы проследить особенности воплощения библейских метафорических моделей, содержащихся в контекстах, извлечённых методом сплошной выборки из рассматриваемых работ А. Проханова.

Прежде всего следует отметить, что Проханов, прибегая к религиозным мотивам и образам, выделяет такие противоположные начала, как зло / добро, свет / тьма, демоны / ангелы, духи света / духи тьмы. Например: «... во Вселенной есть источник света и источник тьмы. Источник света пропитывает мир светом, а источник тьмы пропитывает мир тьмой»; «Выводят в историю демонов, замурованных... в монолите империи»; «Так же как недавно копились духи тьмы, точно так же стали слетаться духи света»; «И казалось, за каждой ратью... летит свой светлый Ангел» и др.

Так, говоря о встрече тьмы и света, Проханов подразумевает столкновение в 1993 году двух миров: прозападной либеральной верхушки во главе с Ельциным и разочаровавшегося народа: «Народное восстание осенью 93-го года – еще одно сражение света и тьмы...».

Примечательно, что в романе «Последний солдат империи» религиозные мотивы и образы раскрываются при помощи колоратива красный: «... в небе, как виденье, летит... Красный Ангел Победы»; «Красные духи... Лишали его красной веры, красного заповедного смысла...». Можно предположить, что метафорический образ Красного Духа совпадает с образом Духа Света, а значит, содержит в своей структуре компонент, диаметрально противоположный метафорическому образу Духа тьмы, о чём свидетельствует следующий контекст: «Он смотрел... на исход красных духов, которые... Были... ангелами, таинственными опекунами».

Образ России выступает у Проханова источником света: «Через Россию, утверждают духовидцы, в мир приходит свет...», в то время как образы Бориса Николаевича Ельцина и его сторонников, о которых автор по преимуществу говорит иносказательно, напротив, являются источником тьмы: «Люди пришли к... поганому идолищу... чтобы выразить свое негодование»; «И здесь... у этого языческого кумира была принесена... кровавая жертва»;

«... сидение... палачей в Министерстве обороны было сидением опьяненных убийством демонов...».

Березовский у Проханова воплощается в метафорический образ беса, изгнание которого сравнивается с мистическим религиозным актом: «Вы видели изгнание беса, когда накрытая золотой епитрахилью молодая женщина стенает, бьётся, исходит звериным рыком,... пока не изойдет из нее... чудище... изгнание Березовского есть мистический, религиозный акт».

С помощью таких религиозных метафорических образов, как колдуны, маги, сатанисты, чёрная месса, оккультизм и под. публицист сравнивает работу средств массовой информации: «Их нет в попцовском капище, где ежедневно приносятся сатанинские жертвы, совершаются «черные мессы»; «Телевидение... – это оккультное воздействие, при котором электромагнитная волна модулируется злой волей колдуна, мага...».

В следующем примере автор использует образ восточного бога с жабой на макушке: «На Белосельцева глянула... голова восточного бога, на макушке которого прилепилась жаба...». В данном контексте содержится отсылка к заставке телекомпании «ВИД», функционировавшей в 90-е годы. По ряду причин творческий коллектив студии вынужден был внести изменения в изображение маски философа Го Сяна с жабой на голове, в результате чего портрет на заставке приобрёл некоторое сходства с портретом главы государства, а многие телезрители 90-х годов называли заставку студии «Ельциным».

В других работах Проханов соотносит Ельцина с образом царя Ирода из Евангельской притчи «О Вифлеемских младенцах и наследниках царя Ирода»: «Убийцы, как в притче об избииении младенцев и о царе Ироде... рубили безжалостно кричащую мать». Кроме этого, публицист метафорически моделирует пророчество Ельцину: «...расплодил сатанистов, изуверов... приготавливая в России пришествие князя тьмы?... Ангел с копьем схватит его... и кинет в самую сердцевину ада, где его подхватит косматое чудище, сунет в пасть... и станет грызть... исполняя казнь...». Проханов продолжает тему пророчества: «Ночью... жители видят... Ангела с золотым копьем... А сзади, в черном лесу... ждет Вельзевул – схватит душу несчастного грешника... и утащит в ад...»; «Чемоданчик с ядерной кнопкой... – это и есть Апокалипсис...». В последнем примере возникает библейский мотив Апокалипсиса.

Публицист проводит параллели между историческими событиями в России 1993 года и библейскими мотивами: «Если это так, то события дня 3 октября соответствуют ликующему въезду в Иерусалим, а события вечера 3 октября и утра и дня 4-го – есть Голгофа, казнь, крестное распятие «агнца».

При этом собирательный образ агнца в данном примере метафорически выступает русским народом.

Воскресение Иисуса Христа изображается Прохановым как появление некоего человека в белоснежной одежде с золотыми полосами во время прорыва блокады 3 октября: «... все, кто был в этой счастливой толпе, пережил мистические ликование, словно... кто-то огромный, в белоснежных одеждах с золотыми полосами смотрел на людей своим чудным лицом...». Это воскресение, по мнению публициста, способствовало исчезновению бесов, процесс подсчёта голосов в думе был прерван, а сама Россия была снята с Креста, в ней наступила Святая неделя: «Россия... снятая с Креста... восставала, наполняя грудь первым глубоким дыханием»; «На Руси наступила Святая неделя. Кругом обновление, весна, ожидание великих перемен» и др.

Таким образом, как свидетельствует проведённый анализ, религиозная метафора, в отличие от других метафорических моделей, может нести как положительную, так и отрицательную коннотацию. При этом у Проханова религиозные метафорические модели в случае их использования с целью критики каких-либо событий или поступков государственных деятелей переходят в плоскость библейской морали. В связи с этим можно утверждать, что религиозная метафора в текстах Проханова при описании политических и социальных реалий действительности реализует идеологическую функцию, тем самым оказывая воздействие на адресата и формируя общественное мнение.

Литература:

1. Морозкина Е. А. Библейская метафора в художественном тексте / Е. А. Морозкина, М. М. Биктимирова, Э. В. Исхакова // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23. — № 2. — С. 538–542.

2. Проханов А. А. Последний солдат империи: Роман / А. Проханов. — М.: «AdMarginet», 2003. — 508 с.

3. Проханов А. А. Слово к народу / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов / Предисловие В. Г. Бондаренко. — М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2013. — 896 с.

Мирза М.Н.

ПОНЯТИЙНАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ ЦИКЛА «ТАЙНЫ ремесла» А.А. АХМАТОВОЙ

Уникальность поэтической личности, творческий дар, художественный опыт Ахматовой составляют предмет исследования целой плеяды отечественных и зарубежных учёных. Классикой ахматоведения называют

исследовательские работы Е. Добина, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума и др. Уже с 1920-х годов Л. Озеров, М. Альми, Т. Бреславец, Н. Королёва и другие литературоведы интерпретировали поэтический цикл «Тайны ремесла» Ахматовой.

Цель нашего исследования заключается в попытке изучить цикл Ахматовой как трактата о сущности поэзии. В связи с этим ставим перед собой задачу произвести понятийную транскрипцию цикла: используя методику концептуального комментирования и анализа, перевести цикл из поэтического языка на язык понятий.

Ахматовский поэт предстаёт как избранник, не принадлежащий «миру сему». У поэта как посредника между небесным и земным есть свои задачи. Главная «божественная», стихийная задача – услышать «настоящую строку» в момент, когда ему «кто-то диктует». «Земная» работа имеет специфику первоосновы слова – здесь важно сохранить подлинность и содержательной стороны (истинность смысла, продиктованного свыше), и формальной (точность формы оболочки), – привнесение личного мастерства, индивидуального характера «производства» поэзии и культуры («Творчество»).

Звук играет важную роль в участии поэта: помогает по-особому ощутить тишину. Открытие истины происходит в момент сосредоточения поэта лишь на «Одном, всё победившем звуке» [1 с. 104]. В это «тайное» время поэтический дар трактуется способностью к яснослышанию и ясновидению. Для усиления таких эмоциональных моментов Ахматова использует сенсонимы: «В ушах не умолкает бой часов <...> Но в этой бездне шепотов и звонов / Встает один, все победивший звук <...> Что слышно, как в лесу растет трава <...> Но вот уже послышались слова» [1]. Очевидно: в цикле преобладают названия органов слуха. Ноуменальный поэт становится музыкальной инстанцией, роль которой заключается в опознании поэтических пророческих нот. Наделённый обострённым слухом, поэт переживает абсолютно все явления, становится «непокрытым», нагим перед всем и всеми. В этом состоянии рождаются стихи: из уединения жизни (музыки, природы и тишины) и внутреннего опыта самого художника, составляющих состояние погружения поэта в мир высокой и чистой поэзии («Поэт»). Несмотря на умение тонко чувствовать мир, на судьбу поэта может выпасть творческое страдание. Немота проявляется в том случае, если Муза покинула поэта, и он не может совладать с даром слова («Муза»).

Поэзия, будто живое существо, проникает в суть человеческого существа, задевая струны души и отражая процесс оживления природы («Последнее стихотворение»).

Цель поэта при «преодолении» слова — сохранить его естественную среду значения. Значит, основные принципы художника слова — принципы лёгкости, неприметности и обыденности («Мне ни к чему одические рати...»). Всё обыкновенное, изображаемое Ахматовой, показано тайным значимым кругом, являющимся для человека Вселенной.

Ахматовская поэзия диалогична. Поэту необходимо присутствие читателя-друга, которому можно изложить всё самое сокровенное. Пусть это будет и «самый последний, случайный», но каждый читатель важен, он «...как тайна, / как в землю закопанный клад» [1]. Для этого и живут тайны ремесла («Читатель»).

Цикл Ахматовой о поэте и поэзии, оставаясь в рамках сложившейся литературной традиции, вносит свой вклад в развитие весьма актуальной темы, углубляя её, обращается к изображению «диалектики души» поэзии. Он сосредоточен на осмыслении сущности и законах творческого процесса.

«Творчество», «Поэт» и «Последнее стихотворение», обозначенные концептами «поэт», «творчество», отражают этапы «рождения» поэзии и затрагивают проблему «преодоления» себя и слов, значимость первоначального, природного значения.

«Муза» и «Эпиграмма» образуют модусы «муза и мука», «чувство и творчество». Здесь прежде всего акцентирована проблема отношения между поэтом и музой. Также обращено внимание на условно-поэтический контекст, который обусловлен творчеством Данте Алигьери и Франческо Петрарки, и, соответственно, именами их возлюбленных – Беатриче и Лауры, вызывающих множество символических значений и поэтических ассоциаций.

«Мне ни к чему одические рати...», «Про стихи» обращаются к бытийным истокам поэтического творчества и формируют модусы «простота и сложность», «истина и искусственность».

«Читатель», «Я над ними склонюсь, как над чашей...», «Многое, ещё, наверно, хочет...» создают собой модусы «поэт и читатель», «поэт и время», «тайна и ремесло» и формируют смысловой триптих, обозначающий диалогический аспект поэтического бытия. Эти стихи вызывают раздумья о роли, судьбе и ремесле поэта.

Литература:

1. Ахматова А. А. Тайны ремесла / составление, вступительная статья и примечания Н. В. Вялициной. – Москва: Советская Россия, 1985. – 144 с. – С. 104–109.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОНЗО-ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА Х. ТОМПСОНА С СОВРЕМЕННЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ)

Публицистика – одно из самых распространенных направлений журналистских текстов. Здесь факты отходят на второй план, а во главу текста становится авторская мысль, впечатления от факта или события. Стоит отметить, что достаточно часто в журналистских работах границы жанров размываются, происходит смешение стилей и направлений, так называемая эклектичность. Это сделано для того, чтобы читатель не уставал от однообразной информации и всегда находил новые формы ее донесения. Так, помимо традиционных жанров публицистики: эссе, фельетон, памфлет, история, очерк и др. – существует стиль «гонзо», который появился в конце прошлого столетия.

Гонзо-журналистика — это направление в журналистике, представляющее собой глубоко субъективный стиль повествования, ведущегося от первого лица, в котором репортёр выступает в качестве непосредственного участника описываемых событий и использует свой личный опыт и эмоции для того, чтобы подчеркнуть основной смысл этих событий [1, с. 203].

Создатель «гонзо» – Хантер С. Томпсон описывает его как «стиль репортажа». Автор гонзо-материала является вовлеченным в описываемые события, которые в свою очередь развиваются вокруг него. В «гонзо» автор не простой рассказчик, он – главный герой и предмет действия.

В современном мире достаточно много различных форм и методов подачи информации и гонзо-журналистика не исключение. В работе мы анализируем, каким образом данный стиль претерпел изменения, выявляем отличительные особенности материалов современных представителей гонзо-стиля и сравниваем их с работами создателя «гонзо» Хантера Томпсона.

При написании работы были использованы статьи Хантера Томпсона и современных журналистов, использующих стиль «гонзо».

Первый репортаж, написанный в стиле «гонзо» Хантером Томпсоном в 1970 г. назывался «Дерби в Кентукки: упадочно и порочно» [3].

В нем мы выделили несколько ключевых признаков, характерных данному стилю:

- непосредственное участие и влияние автора на события;
- эпизодическое представление автором реальных событий: нехронологическое повествование и лирические отступления;

- использование автором ирреальности;
- детальное описание;
- диалоги, отражающие реальность происходящих событий;
- использование точки зрения от третьего лица;
- использование экспрессивных оценочных суждений и инвективной лексики, также присутствует обсценная лексика;
- использование тропов и фигур речи;
- использование жаргонизмов и стилистически сниженной лексики.

Далее мы рассматриваем «гонзо» в других жанрах журналистики, чтобы проследить его изменения в работах самого создателя Томпсона.

В некрологе, посвященном бывшему президенту Ричарду Никсону, «Он был мошенником» (1994 г.) [2] стиль претерпевает некоторые изменения, которые могли возникнуть в связи со спецификой жанра. Томпсон не является главным лицом действия, а выступает в качестве комментатора. Текст написан по большей части от третьего лица. Вместо диалогов автор использует цитаты третьих лиц. Остальные признаки «гонзо», выведенные нами ранее, автором были использованы.

Также мы проанализировали последнюю работу Томпсона «Гольф с дробовиком с Биллом Мюрреем» (2005 г.) [4]. Из отличительных особенностей можно выделить отсутствие негативных комментариев, т.к. даже пейоративы в рамках контекста становятся мелиоративами. В тексте отсутствует обсценная лексика, а также невысокое содержание инвективной лексики. Тем не менее, текст не теряет яркость из-за стиля повествования автора.

В настоящее время стиль «гонзо» также используется некоторыми авторами и изданиями как альтернатива традиционной журналистике. В Америке одними из изданий, которые активно используют данный стиль, являются «Vice media» и «Gonzo today».

Подробнее рассмотрим репортаж Алекса Заргоза – штатного писателя издания «Vice Media», который называется «Я пережила Реднек Рейв, Самую дикую Кантри-вечеринку Америки» (2021 г.). В тексте представлен лишь один эпизод активного участия автора в событиях, в дальнейшем автор отходит на второй план и является «рассказчиком истории», тогда как основными героями становятся участники фестиваля, они же являются комментаторами происходящего. Также Заргоза использует нейтральную лексику повествования, а вместо диалогов – цитаты участников Реднек Рейва, в которых уже встречается инвективная и обсценная лексика.

Также рассмотрим репортаж Стива Корбетта из издания «Gonzo today»: «Сумасшедший Байден слетает с катушек» (2021 г.). В данном репортаже автор не является активным участником событий, он лишь наблюдатель и комментатор. Авторское «я» сосредоточено лишь в одном промежутке

времени, где репортер остался наедине со своими эмоциями и оказался на первом плане сцены. В остальной части репортажа автор заявляет о своем присутствии только комментариями происходящего. Диалоги в тексте также отсутствуют.

В России существуют отдельные авторы, пишущие в стиле «гонзо». Для анализа мы возьмем работы таких авторов как Виталий Гуданович и Милана Логунова.

Репортаж Виталия Гудановича в интернет-журнале «Дискурс»: «В белье. В платьях. В шубах» (2020 г.). В тексте автор является комментатором событий, а не главным участником сцен. Описание представлено в экспрессивной метафоричной форме. Диалоги продемонстрированы от третьего лица. Присутствует небольшое количество обценной лексики.

Репортаж Миланы Логуновой в интернет-журнале «The City»: «Кто и зачем ходит на помойки за едой». Автор – главный герой репортажа и активный участник событий. Повествование ведется, в большинстве случаев, от первого лица, за исключением фрагментов, где автор углубляется в свои рассуждения или ведет повествование от третьего лица, когда ему это необходимо. Логунова использует преимущественно нейтральную лексику, вследствие чего текст теряет «яркость», эмоции и экспрессию, исчезает суть «гонзо». Данному гонзо-репортажу не хватает экспрессивно-оценочных суждений, тогда как остальные черты «гонзо» сохранены.

Из представленного анализа можно сделать вывод, что уже в текстах Х. Томпсона стиль претерпевает изменения, однако это связано со сменами используемых автором жанров. Проблема современных же представителей, как американских, так и российских, заключается в их дистанции от событий, в большинстве случаев они остаются лишь комментаторами. Также в некоторых работах можно проследить сниженное содержание экспрессивно-оценочных суждений автора. Примечательно, что во всех репортажах современных представителей упоминание ирреальности не было зафиксировано.

Литература:

1. Мандель Б.Р. Некоторые актуальные проблемы современной науки: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений гуманитарного направления. — М.: Директ-Медиа, 2014.

2. Thompson, H.S. He Was a Crook / H.S. Thompson // Rolling Stone. – June 16, 1994.

3. Thompson, H.S. The Kentucky Derby Is Decadent and Depraved / H.S. Thompson // Scanlan's monthly. – June 4, 1970.

4. Thompson, H.S. Shotgun Golf with Bill Murray // ESPN.com. – 2005.
[Электронный ресурс]. – URL:

<http://www.espn.com/espn/page2/story?id=1992213&num=0>. (дата обращения: 08.03.22).

Пронькин Н.С.

СОВРЕМЕННЫЕ СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ РКИ

Сегодня новейшие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) находят свое применение в разных областях человеческой деятельности. Сфера образования и науки является той средой, где ИКТ активно интегрируются в деятельность организаций всех уровней и подразделений. Прежде всего, это касается систем управления образовательными процессами при помощи цифровых платформ и использования информационных технологий обучения, которые рассматриваются как новые средства передачи знаний. Внедрение ИКТ в образование сопровождается процессами компьютеризации и цифровизации (диджитализации), которые выражаются в фактическом изменении характера образовательного процесса и его среды, когда учащиеся и преподаватели разделяются пространственными границами и соединяются только средствами цифровой связи. Процесс обучения происходит не в физической аудитории, а в виртуальном пространстве, что подразумевает, например, дистанционный формат обучения. Учебные пособия переводятся в цифровую форму, распространяются в интернете и больше не требуют бумажных носителей. Растущее количество бессистемных ресурсов, которые постоянно создаются и размещаются в сети требует мониторинга, описания и классификации [1]. Это становится необходимым как для преподавателей, так и для учащихся, поскольку возникают трудности с использованием сетевых ресурсов (СР) в процессе обучения различным предметам, в частности, иностранным языкам.

Стоит отметить, что появлению ИКТ предшествовал достаточно долгий исторический отрезок, в течение которого случился переход от самых примитивных средств передачи информации. Современный этап развития информационных технологий (ИТ) характеризуется, главным образом, радикальным преобразованием применяемого инструментария: начиная от «ручных», затем «механических» и «электрических» ИТ, человек создал «электронные» и новейшие «компьютерные» технологии, в которых случился переход к микропроцессорной базе, и, как следствие, персональный компьютер и интернет стал доступен абсолютно каждому [2]. Интернет стал одним из новейших средств обучения, которое также открыло безграничные

возможности в самообразовании, в подготовке к занятиям как для учащихся, так и для преподавателей. Но, пожалуй, самым значимым достижением информационной революции стал широкий доступ к СР, что, безусловно, открыло ряд новых возможностей в преподавании иностранных языков, в частности дисциплины «Русский язык как иностранный» (РКИ).

В процессе работы с СР в обучении РКИ была поставлена цель проанализировать содержание электронных ресурсов, корпус материалов, полученных при использовании в учебном процессе данных ресурсов в группах иностранных студентов Отделения русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных обучающихся ЮФУ (в рамках работы на практических занятиях, во время текущего и рубежного контроля). Результаты анализа СР позволили предложить собственную классификацию на основании их содержания:

- Теоретико-информационные. Они не содержат средства проверки и контроля, и, в основном, только предоставляют полезные сведения, и не направлены только на иноязычных носителей. К ним относятся социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, МойМир), видеохостинги (YouTube, Rutube, Яндекс.Видео), новостные веб - сервисы (Яндекс.Новости), персональные страницы, блоги и чаты, подкасты (Google Podcasts, Apple Podcasts, Яндекс.Музыка и подкасты) и различные информационные сайты.

- Учебно-тренировочные. Ставят целью обучение, закрепления и контроль знаний по РКИ. К таким СР причисляют электронные УМК (Прогресс, 5 Элементов, Поехали), мобильные приложения-тренажеры (Talk2Russia, LearnRussianVocabulary), модульные электронные курсы РКИ от вузов, интерактивные тренажеры (сервис Юна), сетевые игры, чат-боты, мессенджеры.

- Справочно-обучающие. Данные СР обеспечивают толкование, проверку правописания, произношения и объяснения системных отношений между словами. К ним относятся приложения - переводчики (Google Translate, Multitran), электронные словари (Викисловарь), справочно-информационные порталы (Грамота.ру), электронные справочники, образовательные веб-сервисы (Яндекс. Учебник), электронные библиотеки (Elibrary), тематические разговорники.

Данная классификация позволяет не только упорядочить СР, но и предоставить как преподавателям, так и студентам большой выбор инновационных средств обучения для организации самостоятельной и непосредственно аудиторной работы. Такая типология позволяет сформулировать методические рекомендации по использованию СР в процессе обучения РКИ, а также в создании наработок для будущего

исследования по созданию собственного электронного средства обучения в открытом сетевом доступе.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что современные сетевые ресурсы предлагают ряд новых возможностей, таких как визуализация знаний, индивидуализация, дифференциация обучения, развитие определенного вида мышления (например, наглядно-логического, наглядно-образного, критического), доступ к значительному объему информации, представленному в интересной форме, благодаря применению средств мультимедиа, развитие умений обрабатывать информацию при работе с источниками, возможность самоконтроля, экономия учебного времени и формирование информационной культуры[3].

Литература:

1. Кудинова, Г. Ф. О мониторинге образовательных интернет-ресурсов по русскому языку [Текст]/ Г. Ф. Кудинова, И. В. Кудинов, Г. М. Курбангалеева//Сборник статей Международной научно-практической конференции. —М.,2017 — С.82-85.

2. Пащенко, О.И. Информационные технологии в образовании: Учебно-методическое пособие. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. — 227 с.

3. Таранцова, А.В. Информационные технологии в педагогике [Текст]/ А.В. Таранцова/Проблемы и перспективы развития образования: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар: Новация, 2016. — С. 25-27.

Сикорская Д.Э.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ГОДОНИМИКОНЕ ГОРОДА ХАРЦЫЗСКА

Предлагаемая работа выполнена в русле региональной ономастики и в целом связана с теми публикациями представителей Донецкой ономастической школы, в которых изучается ономастическое пространство Большого Донбасса с точки зрения реализации кодов культуры (см. [1; 2; 3; 4; 5 и др.]).

Актуальность исследования в первую очередь обусловлена активизацией развития региональной ономастики, одной из первостепенных задач которой является изучение урбанонимии, т. е. совокупности названий основных внутригородских объектов, как неотъемлемого компонента лингвистического ландшафта. В свою очередь важной составляющей

урбанонимии является совокупность линейных адресных объектов, т. е. годонимов (это наименования таких линейных адресных объектов, как улица, проспект, бульвар, переулок, линия, проезд, тупик, аллея, шоссе, микрорайон, квартал) см. [2]).

Одним из перспективных подходов к изучению годонимикона является сочетание традиционного (структурно-семантического) аспекта с лингвокультурологическим.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы проанализировать годонимы города Харцызска как средство репрезентации пространственного кода культуры.

Объект исследования — наименования линейных адресных объектов города Харцызска. В то время как предметом исследования выступает специфика объективации в годонимиконе города Харцызска пространственного культурного кода.

В работе анализу подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы годонимов. Аспект анализа — синхронный.

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки из Приложения 1 к распоряжению главы администрации города Харцызска Донецкой Народной Республики № 674 р от 06.08.2018 г. «Об утверждении перечня наименований улиц населённых пунктов, административно подчинённых администрации города Харцызска». Также при составлении картотеки учитывались данные сайта «Почта Донбасса», справочников, интернет-ресурсов и карты города.

Авторская картотека охватывает 231 годоним. Как свидетельствует систематизация фактического материала, на территории города Харцызска представлены годонимы с такими терминами-классификаторами, как улица (148 единиц, или 64 % выборки), переулок (79 единиц, или 34,2 %), бульвар (2 единицы, или 0,9 %) и микрорайон (2 единицы, или 0,9 %). Как видим, наименования линейных адресных объектов с номенклатурными терминами бульвар и микрорайон в годонимиконе исследуемого населённого пункта немногочисленны, по сравнению с реализацией терминов-классификаторов улица и переулок, что в целом отражает общую тенденцию номинации в этой референтной сфере: бульвар Полупанова, бульвар Шевченко, микрорайон Металлургов, микрорайон Юбилейный.

На территории города Харцызска также реализован агороним, т. е. наименование площади (площадь Ленина).

Следует отметить, что в указанном перечне (в Приложении 1 к распоряжению главы администрации города Харцызска Донецкой Народной Республики № 674 р от 06.08.2018 г.) также отражены такие наименования, как трасса Харцызск — Иловайск и посёлок Энергетик, которые нами в работе не

рассматриваются, поскольку не могут быть отнесены по своим параметрам к годонимам: 1) у номинации трасса Харцызск — Иловайск отсутствует параметр адресности; 2) у названия посёлок Энергетик нет параметра линейности. В то время как и адресность, и линейность относятся к числу отличительных характеристик годонимов как видовой разновидности урбанонимов.

Как свидетельствует анализ, в нашем материале представлены следующие годонимы, реализующие пространственный код культуры.

В первую очередь следует отметить, что пространственный код культуры в системе годонимов, как правило, воплощается в двух основных разновидностях:

1. Физико-географический код реализуется в наименованиях, указывающих на расположение линейного адресного объекта в определённом районе города относительно пространства всего населённого пункта в целом, относительно стороны света и под. или характеризующих природный ландшафт местности.

Так, в системе годонимов города Харцызска физико-географический код иллюстрируют прежде всего следующие годонимы: ул. Верхняя, ул. Северная, ул. Пригородная, ул. Загородная, ул. Заречная, ул. Набережная и др. В целом названия такого типа входят в состав бинарных оппозиций типа «верх / низ», «север / юг» и под. (ул. Верхняя, ул. Северная), а также указывают на специфику ландшафта, на локализацию объекта в пространстве населённого пункта (годонимы-ориентиры ул. Загородная, ул. Заречная, ул. Набережная, ул. Пригородная и под.).

Физико-географический код реализуется также с помощью годонимов, которые характеризуют улицу, переулок с точки зрения их размера, конфигурации, физико-географических особенностей возникновения: пер. Тупиковый, пер. Водный, ул. Родниковая и под.

Опосредованно физико-географический код культуры также объективируется в тех годонимах, производящие основы которых в первую очередь направлены на экспликацию растительного (флористического / ботанического) кода, который воплощается с помощью названий, указывающих на характер растительного ландшафта, на отдельные виды растительности или же на их совокупность: ул. Виноградная, пер. Виноградный, ул. Каштановая, пер. Берёзовый Первый, пер. Берёзовый Второй, пер. Берёзовый Третий, пер. Берёзовый Четвёртый, ул. Лесная, ул. Луговая, пер. Луговой, ул. Полевая, пер. Садовый, ул. Цветочная.

2. Топоморфный код культуры объективируется в годонимах, которые указывают на другой объект, относительно которого называется линейный адресный объект. Годонимы, реализующие топоморфный код культуры, как

правило, соотносятся с другими топонимами, а также указывают на различные внутригородские объекты, в том числе хозяйственные, инфраструктурные, промышленные объекты, учреждения сферы культуры, образования и здравоохранения и под.

Так, топоморфный код культуры в годонимиконе г. Харцызска эксплицируется теми из годонимов, производящие базы которых являются названиями различных архитектурных объектов: пер. Школьный, ул. Колхозная, пер. Тепличный, ул. Вокзальная. Как видно из примеров, производящие основы этих годонимов представляют собой наименования образовательных, сельскохозяйственных, железнодорожных зданий и учреждений.

В нашем материале топоморфный код культуры также объективируется с помощью оттопонимых годонимов, которые соотносятся с названиями городов или областей, территорий как региона, так и УССР, и в целом постсоветского пространства: ул. Донецкая, ул. Луганская, ул. Харцызская, ул. Зугрэсовская, ул. Киевская, ул. Сибирская.

Таким образом, проведённый анализ годонимов города Харцызска как средства репрезентации пространственного кода культуры позволяет утверждать, что годонимы, эксплицирующие физико-географический код, по преимуществу связаны с природными характеристиками региона, в то время как годонимы, реализующие топоморфный код, в первую очередь указывают на объекты, созданные человеком.

Литература:

1. Першина К. В. Растительный код в топонимии Донбасса / К. В. Першина // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. — Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. — Ч. 2. — Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. — С. 118–121.

2. Ярошенко Н. А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н. А. Ярошенко, У. Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — № 3–4. — Донецк : ДонНУ, 2018. — С. 59–66.

3. Ярошенко Н. А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапельлятивных годонимов г. Донецка) / Н. А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. — Т. 4.

Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. — Ч. 2. — Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. — С. 128–132.

4. Ярошенко Н. А. Растительный код в топонимике Донбасса (на материале названий улиц, образованных от видовых наименований растений) / Н. А. Ярошенко, Е. А. Дмитрова // Наука и мир в языковом пространстве : Сб. науч. трудов V Международной научной конференции (14 ноября 2019 г.). — Макеевка : ДонНАСА, 2019. — С. 126–134.

5. Ярошенко Н. А. Растительный код в топонимике Большого Донбасса (на материале названий улиц и переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) / Н. А. Ярошенко, Е. А. Дмитрова // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е. С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.) ; отв. ред. доц. Н. А. Ярошенко. — Донецк : ДонНУ, 2020. — Вып. 6. — С. 65–71.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

I.

Кочин Владимир Вячеславович - исполнительный директор Фонда «Русский мир»

Козлова Надежда Ивановна - председатель Общественной палаты г. Сочи, научный руководитель Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов

Маршева Лариса Ивановна - директор Федерального института родных языков народов Российской Федерации

Ван Синьи - профессор Пекинского университета иностранных языков

II.

Булычева Анастасия Владимировна – ведущий специалист отдела экспертизы и оценки качества Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации»;

Воробьев Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института русского языка Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»;

Капец Ольга Викторовна - кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Сочинского института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»;

Новоселова Светлана Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, руководитель центра русского языка и культуры Сочинского института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»;

Режук Зинаида Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного и методики его преподавания Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета;

Саакян Левон Николаевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»;

Смеречинская Наринэ Мисаковна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания Сочинского института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»;

Третьякова Любовь Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий факультета журналистики Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина;

Ширяева Оксана Витальевна – доктор филологических наук, профессор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета.

III.

Аношина Яна Витальевна - студент 4 курса Донецкого национального университета (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Панчехина М.Н.);

Винтоняк Максим Игоревич – студент 3 курса Сочинского института РУДН (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Капец О.В.);

Гончарова Татьяна Юрьевна – магистрант Южного федерального университета (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ширяева О.В.);

Городничая Юлия Валерьевна - магистрант Южного федерального университета (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ширяева О.В.);

Зыгарь Диана Сергеевна - студент 3 курса Сочинского института РУДН (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Капец О.В.);

Исаханова Полина Рубеновна - магистрант Южного федерального университета (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ширяева О.В.);

Кадынцева Юлия Николаевна - студент 4 курса Сочинского института РУДН (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Капец О.В.);

Карагозян Лолита Сергеевна - студент 3 курса Сочинского института РУДН (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Капец О.В.);

Маличева Валерия Андреевна - студент 3 курса Сочинского института РУДН (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Капец О.В.);

Менякина Алина Артемовна - магистрант Донецкого национального университета (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина Ярошенко Н.А.);

Мирза Мадия Надимовна - магистрант Донецкий национальный университет (научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности Кораблёв А.А.);

Петрова Екатерина Алексеевна - студент 4 курса Сочинского института РУДН (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Капец О.В.);

Пронькин Никита Сергеевич - магистрант Южного федерального университета (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, Ильин Д.Н.);

Сикорская Дарья Эдуардовна – студент 3 курса Донецкого национального университета (научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина Ярошенко Н.А.).

**МАТЕРИАЛЫ X МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЛАВЯНСКАЯ ЧТЕНИЯ»
(Сочи, 15 апреля 2022 года)**

Оригинал-макет:
И.В. Николаева

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать 05.15.2022. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,75. Тираж 1000 экз. Заказ 1046.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»

ISBN 978-5-00204-795-6

9 785002 047956